

ЗАЩИТА ОТ ДИСКРИМИНАЦИИ: опыт успешных судебных дел

Сборник составлен по материалам экспертных встреч, проведенных АДЦ «Мемориал» в 2017-2018 годы, и отчетов АДЦ «Мемориал»: «Запрещенные женщинам профессии — гендерная дискриминация» (2018), «Нарушения прав лиц без гражданства и иностранных граждан в свете решения ЕСПЧ по делу «Ким против России» (2016)

Защита от дискриминации: опыт успешных судебных дел

Сборник составлен по материалам экспертных встреч, проведенных АДЦ «Мемориал» в 2017-2018 годы, и отчетов АДЦ «Мемориал»: «Запрещенные женщинам профессии — гендерная дискриминация» (2018), «Нарушения прав лиц без гражданства и иностранных граждан в свете решения ЕСПЧ по делу «Ким против России» (2016).

Фото на обложке:

судоводительница, добившаяся признания дискриминационным списка профессий, запрещенных женщинам (фото из личного архива); ЛГБТИ-активисты, Санкт-Петербург (фото Давида Френкеля); психотерапевт, который отсудил компенсацию морального ущерба от вуза, куда его не приняли из-за инвалидности по зрению (фото АДЦ «Мемориал»).

Сокращения, встречающиеся в сборнике

МОТ — Международная организация труда

КЛРД — Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации

КЛДЖ — Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин

КПЧ — Комитет ООН по правам человека

ЕСПЧ — Европейский суд по правам человека

ЕКПЧ — Европейская Конвенция о соблюдении прав человека и основных свобод

КС — Конституционный суд

ВС — Верховный суд

ТК — Трудовой кодекс

ФМС — Федеральная миграционная служба

МВД — Министерство внутренних дел

ЛБГ — Лицо без гражданства

СОГИ — сексуальная ориентация и гендерная идентичность

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ЗАЩИТА ТРУДОВЫХ ПРАВ ЖЕНЩИН	7
ДЕЛО СВЕТЛАНЫ МЕДВЕДЕВОЙ: признание дискриминации КЛДЖ ООН и российскими судами	7
ДЕЛО АННЫ КЛЕВЕЦ (2009-2012): высшие суды РФ отказались признать дискриминацию	7
ОБРАЩЕНИЕ СВЕТЛАНЫ МЕДВЕДЕВОЙ В КЛДЖ ООН	9
Важные пункты Мнения КЛДЖ по делу Медведевой (2016)	10
Сложности выполнения рекомендаций КЛДЖ ООН по делу Медведевой	13
ЗАЩИТА ОТ ДИСКРИМИНАЦИИ ЛГБТИ	15
ДЕЛО «АЛЕКСЕЕВ ПРОТИВ РОССИИ» (ЕСПЧ, 2010)	15
Решение ЕСПЧ по делу Алексева	17
Важные моменты в решении ЕСПЧ по делу Алексева	18
ДЕЛА БАЕВА И ФЕДОТОВОЙ	22
ДЕЛО «ФЕДОТОВА ПРОТИВ РОССИИ» (КПЧ ООН, 2012)	22
Важные моменты в решении КПЧ ООН по делу Федотовой	23
ДЕЛО «БАЕВ И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ» (ЕСПЧ, 2017)	25
Важные моменты в решении ЕСПЧ по делам Баева, Алексева, Киселева	27
ОПЫТ ЗАЩИТЫ ОТ ДИСКРИМИНАЦИИ НА ОСНОВАНИИ СОГИ В АРМЕНИИ	30
ДИСКРИМИНАЦИЯ НА ОСНОВАНИИ СОСТОЯНИЯ ЗДОРОВЬЯ	31
Защита прав людей, живущих с ВИЧ	31
ДЕЛО «КИЮТИН ПРОТИВ РОССИИ» (ЕСПЧ, 2011)	32

Важные положения в решении ЕСПЧ по делу Киютина	32
Результат дела Киютина — изменение законодательства ряда стран....	34
ДЕЛО «НОВРУК И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ» (2016)	35
Важные положения в решении ЕСПЧ по делу «Новрук и другие против России»	36
Результат дела «Новрук и другие против РФ» — изменение национального законодательства	39
Реализация решения ЕСПЧ по делу «Новрук и другие против РФ»	41
Важные моменты в решении Басманного суда Москвы по делу Халупы	42
ЗАЩИТА ПРАВА НА ТРУД ВИЧ-ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО БОРТПРОВОДНИКА Р.	42
Важные положения в решении Верховного Суда РФ по делу Р.	43
Дискриминация людей с инвалидностью	46
ДЕЛО «ШТУКАТУРОВ ПРОТИВ РОССИИ» (ЕСПЧ, 2008)	46
Подробности дела Штукатурова	47
Важные моменты в решении ЕСПЧ по делу Штукатурова	49
Постановление Конституционного суда РФ по жалобе Штукатурова	51
Важные моменты в решении Конституционного суда РФ по делу Штукатурова	53
ДЕЛО ИРИНЫ ДЕЛОВОЙ В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РФ (2012)	55
Важные моменты в решении КС РФ по делу Деловой	56
ДЕЛО «КОЧЕРОВ И СЕРГЕЕВА ПРОТИВ РОССИИ» (ЕСПЧ, 2016)	58
Подробности дела Кочерова и Сергеевой	58
Важные моменты в решении ЕСПЧ по делу Кочерова-Сергеевой	59
Вопрос о дискриминации в деле Кочерова-Сергеевой: особое мнение судьи Хелен Келлер	61

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дискриминация, по словам бывшего комиссара Совета Европы Томаса Хаммарберга, — самая «сердцевина» нарушений прав человека. Действительно, людям, подвергающимся дискриминации, невозможно реализовать основные права — им отказывают лишь на основании того, что они какие-то «не такие» (иного, чем доминирующая группа, гендера или этноса, не вполне здоровы или отличаются в плане сексуальной ориентации). Часто защиту от дискриминации связывают с правами меньшинств, хотя дискриминация, например, женщин связана не с малочисленностью (женщин в большинстве стран даже больше, чем мужчин), а с традиционным разделением на «слабых» и «сильных».

Как защитить от дискриминации те группы населения, которые больше всего страдают от стигматизации, исключения, ограничения прав? Одним из наиболее эффективных методов правовой защиты остаются, конечно, суды. Доказывать дискриминацию в судах все еще очень сложно. Особенно, когда речь идет о странах Восточной Европы и Центральной Азии, где практически отсутствует судебная практика по делам, касающимся реальной дискриминации, да и законодательная база не дает возможности последовательно защищать людей, страдающих от различных форм дискриминации. Но как практику, так и закон нужно улучшать, очевидный пусть к этому — международные суды. В странах Восточной Европы и Южного Кавказа существует возможность обжалования нарушения Европейской Конвенции о защите прав человека в Европейский суд по правам человека. Во всех странах региона можно обращаться в ООН, в том числе с индивидуальными жалобами, можно доказывать нарушение Международного пакта о гражданских и политических правах, статья 26 которого прямо запрещает дискриминацию. В Комитет по ликвидации дискриминации женщин можно подать жалобу на конкретные случаи дискриминации по признаку пола (все страны региона ратифицировали эту Конвенцию, в большинстве случаев и факультативный протокол к ней, позволяющий обращаться с индивидуальными жалобами).

Смысл обращения в международные судебные инстанции — будь то ЕСПЧ, КПЧ ООН или КЛДЖ ООН — не просто в признании дискриминации, хотя само по себе определение дискриминации в отношении ранее не признававшихся дискриминирующими признаков (как было в деле Алексеева против России) — ценно и важно. Главное в таких делах — которые принято называть стратегическими юридическими делами именно потому, что в основе жалоб уже заложена стратегия преодоления системной правовой проблемы, — добиться изменения закона и практики. В этот сборник вошли описания именно таких

дел, когда с целью изменить общую ситуацию доказывалась дискриминация женщин (решение КЛДЖ ООН по делу Светланы Медведевой); ЛГБТ (решения ЕСПЧ по делам Алексеева и Баева, решение КПЧ ООН по жалобе Федотовой); людей с особенностями здоровья (решения ЕСПЧ в делах Штукатурова, Кочерова и Сергеевой, Кютина, Халупы и др.).

В ряде случаев решения международных судов привели к признанию проблемы и на национальном уровне, а дальше стояла задача добиться правовых мер по устранению уже признанной проблемы. Такова была стратегия в делах представителей одной из самых уязвимых и незащищенных в правовом плане групп — людей без гражданства: выигранное в ЕСПЧ дело Кима против России позволило обратиться другому ЛБГ (Ноэ Мсхиладзе) в Конституционный суд РФ, который уже признал, что неисполнение решения по делу Кима нарушает права Мсхиладзе и других лиц в его положении, предписав изменить административный кодекс, чтобы не лишать апатридов свободы на длительное время из-за отсутствия гражданства. Подобные решения позволяют не только защитить от дискриминации определенного человека, не только создать важный судебный прецедент, но и добиться системных изменений.

Поэтому представляется важным изучать опыт успешных дел, учиться стратегическому подходу в работе по защите прав дискриминируемых групп, развивать юридическую работу при поддержке правозащитных действий — таких как правозащитные доклады, кампании, освещение проблем в средствах массовой информации, информирование защищаемых групп об их правах.

ЗАЩИТА ТРУДОВЫХ ПРАВ ЖЕНЩИН

ДЕЛО СВЕТЛАНЫ МЕДВЕДЕВОЙ: признание дискриминации КЛДЖ ООН и российскими судами

АДЦ «Мемориал» начал заниматься проблемой списка запрещенных профессий в 2012 году, когда к правозащитникам обратилась Светлана Медведева, жительница города Самары. Светлана получила образование по специальности «Судовождение на внутренних водных путях и в прибрежном плавании» и пыталась устроиться в ООО «Самарское речное пассажирское предприятие» на должность «моторист-рулевой», однако на основании того, что эта работа считается вредной и запрещена для женщин (значится под номером 404 в Перечне тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин, утвержденном Постановлением правительства РФ от 25 февраля 2000 года № 162), пароходство отказало Светлане в трудоустройстве.

На местном уровне суды первой и апелляционной (2012) и кассационной (2013) инстанций в Самаре отказались признавать в деле Светланы дискриминацию и нарушение трудовых прав, поскольку работодатель формально следовал российскому законодательству, где закреплены профессиональные запреты для женщин, ограждающие от вреда «репродуктивное здоровье женщин».¹ Суды при этом ссылались на определения высших судов России по аналогичному делу Анны Клевец.

ДЕЛО АННЫ КЛЕВЕЦ (2009-2012): высшие суды РФ отказались признать дискриминацию

Обжалование дискриминации в российских судах осложнялось тем, что до дела Светланы Медведевой список запрещенных профессий в России уже однажды оспаривался: в 2009 году до Верховного, а в 2012 году до Конституционного суда РФ дошло дело Анны Клевец, которая пыталась добиться при-

¹ В своих исках Светлана Медведева подчеркивала, что она уже имеет двоих детей и что для нее приоритетны профессиональное развитие и карьерный рост. Суды эти аргументы не учли.

знания дискриминации относительно другой запрещенной профессии — машиниста электропоезда метро. Аргументы определений этих судов сами стали частью дискриминационного дискурса о профессиональных запретах для женщин: в них, в частности, отразилось убеждение о том, что запреты необходимы не только потому, что некоторые работы «вредны для репродуктивного здоровья женщин», но и потому, что женщины не могут выполнять работу, требующую большого умственного напряжения и связанную с высокой ответственностью.

Основные аргументы судов по делу Клевец, на которые впоследствии ссылались суды и по делу Медведевой, следующие:²

- Запрет на профессию машиниста метро для женщин не абсолютен, так как Примечание 1 к перечню запрещенных профессий не исключает трудоустройства женщин по этим специальностям, если для них будут созданы безопасные условия труда.
- Условия труда машиниста метро не отвечают требованиям, установленным санитарными нормами для женщин. В определении ВС по делу Клевец подробно описывается характер работы машиниста метро, которую, по мнению суда, женщины выполнять не могут: она связана с физической и эмоциональной нагрузкой, требует напряженного внимания, проходит «в условиях острого дефицита времени в сочетании с высокой ответственностью за жизнь и сохранность материальных ценностей».
- Ограничения на женский труд касаются тяжелых работ, подземных работ, работ с вредными и/или опасными условиями труда, «т.е. в условиях, оказывающих неблагоприятное влияние на женский организм, и имеют целью оградить репродуктивное здоровье женщины от воздействия вредных производственных факторов». Перечень запрещенных профессий, введенный статьей 253 ТК РФ, прав заявительницы не нарушает.
- Дискриминации заявительницы по признаку пола нет, так как запрет на работу машиниста метро обусловлен «особой заботой государства о лицах, нуждающихся в повышенной социальной и правовой защите», как предписывает ст. 3.3 ТК РФ; принятие специальных мер, направленных на охрану

² Определение Верховного Суда РФ от 21.05.2009 N KAC09-196 «Об оставлении без изменения решения Верховного Суда РФ от 02.03.2009 N ГКПИ09-36, которым было отказано в удовлетворении заявления о признании недействующим в части пункта 374 раздела XXX Перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин, утв. Постановлением Правительства РФ от 25.02.2000 N 162»; Определение Конституционного Суда РФ от 22 марта 2012 г. № 617-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Клевец Анны Юрьевны на нарушение ее конституционных прав частями первой и третьей статьи 253 Трудового кодекса РФ и пунктом 374 раздела XXX Перечня тяжелых работ и работ с вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин».

материнства, не считается дискриминационным (Ст. 4.2 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин); меры, принятые для защиты женщин на определенных видах работ с учетом физиологических особенностей их организма, не должны считаться дискриминационными (Ст. 10.3 Декларации о ликвидации дискриминации в отношении женщин от 7 ноября 1967 года).

Суд сослался также на ст.1 Конвенции МОТ №111 «Относительно дискриминации в области труда и занятий» (1958), согласно которой не считается дискриминацией «всякое различие, исключение или предпочтение, основанные на специфических требованиях, связанных с определенной работой». В российском законодательстве эти положения Конвенции МОТ соответствуют ст. 3 Трудового кодекса (запрет дискриминации «в зависимости от обстоятельств, не связанных с деловыми качествами»; «Не являются дискриминацией установление различий, исключений, предпочтений, а также ограничение прав работников, которые определяются свойственными данному виду труда требованиями, установленными федеральным законом»). По всей вероятности, запрет на женский пол в данном случае должен трактоваться как «специфическое требование, связанное с определенной работой» (в терминах Конвенции МОТ), а «федеральный закон», регулирующий такие ограничения, — статья 253 ТК РФ и приложенный к ней перечень запрещенных для женщин работ.

Дело Клевец кончилось неудачей: самые высокие судебные инстанции РФ — Верховный и Конституционный суды — отказались признать дискриминацию в профессиональных запретах для женщин. Для дела Светланы Медведевой это представляло серьезное препятствие, поскольку определения этих двух судов (Кассационная коллегия ВС (2009) и КС (2012) соответственно) хронологически предшествовали ему и именно на них были основаны отказы судов первых инстанций в деле Медведевой. Неудача дела Клевец сделала проблематичным обжалование дискриминации в деле Медведевой через Конституционный суд, так как жалоба Клевец по аналогичному делу не была принята к рассмотрению, и это решение КС было окончательным и обжалованию более не подлежало.

ОБРАЩЕНИЕ СВЕТЛАНЫ МЕДВЕДЕВОЙ В КЛДЖ ООН

Поскольку путь обжалования через высшие судебные инстанции России в деле Медведевой был затруднен по причине неудачного обжалования дискриминации в деле Анны Клевец, в 2013 году, после исчерпания средств судебной защиты на национальном уровне, Светлана Медведева, при помощи адвоката Дмитрия Бартенева и при поддержке АДЦ «Мемориал», обратилась с индивидуальной жалобой в КЛДЖ ООН.

25 февраля 2016 года Комитет принял по делу Медведевой Мнение,³ в котором признал нарушение пунктов (c) (d) (e) (f) Статьи 2 Конвенции ЛДЖ (общие государственные обязательства по проведению политики ликвидации дискриминации в отношении женщин) и пунктов 1 (b) (c) (f) Статьи 11 Конвенции, касающейся дискриминации женщин в сфере труда.

Важные пункты Мнения КЛДЖ по делу Медведевой (2016)

- **Оправдания профессиональных запретов заботой о «репродуктивном здоровье женщин» несостоятельны**

«Комитет не получил никаких доказательств того, что включение должности моториста-рулевого в перечень работ, при выполнении которых запрещается применение труда женщин, оправдано научными данными о вредном влиянии этого вида деятельности на репродуктивное здоровье женщины» (пункт 11.3 Мнения).

«Комитет отмечает, что пункт (1) (f) статьи 11 Конвенции должен рассматриваться вместе со статьями 2 и 3. В соответствии с указанными положениями государство-участник обязуется обеспечить мужчинам и женщинам равные меры защиты репродуктивных функций и создать безопасные условия труда во всех областях профессиональной деятельности, вместо того чтобы вводить запреты на использование труда женщин на определенных видах работ и оставлять решение вопроса о создании безопасных условий труда на усмотрение работодателя. В тех случаях когда государство-участнику нужно отклониться от описанного выше принципа, ему необходимо располагать серьезными медицинскими и социальными данными, свидетельствующими о необходимости обеспечения защиты беременности и материнства или иных гендерных факторов» (пункт 11.7 Мнения).

- **Список запрещенных профессий — часть навязываемого патриархального представления о женщинах, предписывающего им исключительно роль жены и матери**

«Комитет придерживается мнения, что **введение такой законодательной нормы отражает стойкие стереотипы, касающиеся роли и обязанностей женщин и мужчин в семье и обществе, которые консервируют традиционные представления о женщине как жене и матери** и подрывают ее социальный статус и перспективы образовательного и карьерного роста» (пункт 11.3 Мнения).

³ Мнения КЛДЖ в соответствии с п. 3 ст. 7 Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (63-я сессия) относительно Сообщения № 60/2013. Принято 25.02.2016. CEDAW/C/63/D/60/2013.

- Ограничения на труд женщин должны применяться только в целях охраны материнства в строгом смысле этого понятия и не должны распространяться на всех без исключения женщин

Комитет [ранее уже] «выражал беспокойство существованием чрезмерно ограничительного списка специальностей и областей профессиональной деятельности, к которым женщины лишены доступа, и рекомендовал государству-участнику пересмотреть данный список, с тем чтобы он включал лишь ограничения, необходимые для охраны материнства в строгом смысле этого понятия, а также поощрять и упрощать трудоустройство женщин в ранее запрещенных областях профессиональной деятельности путем улучшения условий труда и принятия надлежащих временных специальных мер» (пункт 11.3 Мнения).

- Российские суды не обеспечили эффективной защиты Медведевой от гендерной дискриминации

«Комитет отмечает, что в рассматриваемом случае суды государства-участника признали законным отказ в приеме автора на работу в качестве моториста-рулевого, оставив без рассмотрения ее заявление о том, что данный отказ носил по отношению к ней дискриминационный характер и ущемлял ее интересы по признаку пола, и не нашли законных оснований обязать работодателя создать безопасные условия для трудоустройства женщин. В связи с этим Комитет считает, что суды государства-участника закрыли глаза на дискриминационные действия частной компании» (пункт 11.4 Мнения).

- Запрет работать мотористом-рулевым носит абсолютный характер, создать там условия, которые считаются государством приемлемыми для женщин, невозможно

«...отказ от приема на работу в качестве моториста-рулевого и подтверждение этого решения судебными инстанциями де-факто означают для [заявительницы] запрет на осуществление права на трудоустройство в соответствии с полученным образованием, поскольку специальность техника-судоводителя в любом случае автоматически подразумевает работу в условиях, которые определяются государством-участником как опасные для женщин» (пункт 11.5 Мнения).

- Российское законодательство противоречит Конвенции и другим международным правовым нормам:

«...действующее законодательство не обеспечивает на основе равенства мужчин и женщин права на одинаковые возможности при найме на работу, в том числе применение одинаковых критериев отбора при найме. Комитет также отмечает, что в рамках действующего законодательства автор не сможет получить равные возможности при найме на те должности,

на которые она вправе претендовать в силу полученного образования, если работодатели не примут решения о создании безопасных условий труда; однако только сами работодатели могут принять решение о реализации дополнительных мер по созданию безопасных для женщин условий труда и пройти необходимую аттестацию» (пункт 11.5 Мнения).

«Комитет отмечает, что принятие перечня из 456 специальностей и 38 отраслей противоречит обязательствам государства-участника согласно Конвенции, поскольку устанавливает разное обращение применительно к мужчинам и женщинам, никоим образом не способствует трудоустройству женщин и основано на дискриминационных стереотипах. Более того, процедура приема на работу, в рамках которой отдельные работодатели вправе по собственному усмотрению принимать решение о применении труда женщин на перечисленных работах при условии гарантии безопасности, не соответствует требованиям Конвенции, поскольку работодатель не обязан ни заниматься созданием безопасных условий труда, ни нанимать женщин даже в том случае, если они обладают самой высокой квалификацией среди претендентов на должность». (пункт 11.7).

По результатам рассмотрения жалобы Светланы Медведевой Комитет вынес рекомендации по ее конкретному случаю и по улучшению ситуации в целом:

- a) В отношении автора сообщения: возместить автору понесенный ущерб и выплатить надлежащую компенсацию, сопоставимую с серьезностью нарушения прав автора, и обеспечить ей доступ к работам, для выполнения которых она имеет соответствующую квалификацию.
- b) В целом:
 - i) пересмотреть и внести изменения в статью 253 Трудового кодекса и периодически пересматривать и вносить изменения в ограничительный перечень специальностей и отраслей, установленный Постановлением № 162, с тем чтобы он включал лишь ограничения, необходимые для охраны материнства в строгом смысле этого понятия и создания особых условий для беременных женщин и кормящих матерей, и не затруднял доступ женщин к видам занятости и получению вознаграждения в силу гендерных стереотипов;
 - ii) после сокращения ограничительного списка специальностей и отраслей поощрять и упрощать трудоустройство женщин в ранее запрещенных областях профессиональной деятельности путем улучшения условий труда и принятия надлежащих временных специальных мер.

Сложности выполнения рекомендаций КЛДЖ ООН по делу Медведевой

Выполнение рекомендаций КЛДЖ ООН оказалось сложной и до сих пор до конца не реализованной задачей. Обратившись за пересмотром своего дела, Светлана Медведева столкнулась с сопротивлением Самарского районного суда (август 2016 года) и затем апелляционной инстанции — Самарского областного суда (октябрь 2016 года), посчитавших решение КЛДЖ носящим рекомендательный характер и необязательным к исполнению. Пришлось обращаться в Верховный Суд РФ, который признал Мнение КЛДЖ новым обстоятельством, отменил негативные решения обоих судов и отправил дело на пересмотр опять в суд первой инстанции.

15 сентября 2017 года Самарский районный суд города Самары рассмотрел дело Медведевой, по которому он в 2012 году отказался признать дискриминацию и нарушение трудовых прав заявительницы. Опираясь на Мнение КЛДЖ, Светлана и ее адвокат Дмитрий Бартенев заявили два исковых требования: признать отказ в приеме на работу в должности моториста-рулевого незаконным и нарушающим запрет дискриминации в сфере труда и обязать работодателя заключить с ней трудовой договор. Решение Самарского районного суда и впоследствии апелляционное определение Самарского областного суда, практически повторившее аргументы районного, отразили правовой парадокс — наличие в трудовых нормах РФ прямого противоречия международным обязательствам по недискриминации женщин.

Заявленные требования были удовлетворены частично: с одной стороны, отказ работодателя принять заявительницу на должность из «списка запрещенных профессий» был признан «нарушающим запрет дискриминации женщин в сфере труда по признаку пола и принципам международного права, нормативно закрепленным в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин». С другой стороны, суд отказался обязать работодателя принять Светлану на работу, то есть преодолеть признанную выше дискриминацию на практике.

Суд указал, что в случае Медведевой, которой незаконно отказали в трудоустройстве, законодательство РФ предусматривает только один способ восстановления нарушенных прав — возмещение морального вреда в денежной форме (как раз этим способом Светлана Медведева не воспользовалась). А обязать работодателя заключить с ней трудовой договор, по мнению суда, закон не может: суд принял аргумент пароходства об «отсутствии вакансий»; сослался на то, что принятие на работу — это право работодателя, а не обязанность; но главное — суд согласился с тем, что речное пароходство, «обязанное соблюдать действующее в РФ законодательство, действуя в силу указанных норм права [статьи 253 ТК и перечня запрещенных профессий], обоснованно не могло принять незаконное решение о заключении с Медведевой

трудового договора», — и действия этого самого пароходства в то же время были признаны дискриминационными (решение Самарского районного суда от 15.09.2017).

Таким образом, в решениях российских судов честно описывается текущая ситуация: российское законодательство, исполняя которое работодатель отказывает женщинам в трудоустройстве, противоречит международному праву, при этом «виноватым» в дискриминационном поведении оказывается работодатель, а изменение дискриминационных норм государству не предписывается. Этой логикой объясняется в Определении Самарского областного суда необходимость именно частичного удовлетворения жалобы Медведевой: «поскольку факт незаконности отказа ответчика в заключении трудового договора с истцом, по признаку пола, **ввиду несоответствия нормы трудового законодательства РФ нормам международного договора**, достоверно установлен соответствующим международно-правовым актом, обязательным к исполнению Российской Федерацией».

Дело Светланы Медведевой имеет огромное значение не только для России, но и для других стран, где действуют профессиональные запреты для женщин. Его результатом стало признание дискриминационной сущности списка запрещенных профессий высокой международной инстанцией — Комитетом ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин, а впоследствии — и российскими судами, что заняло много лет и стало возможным благодаря упорству заявительницы, высокому профессионализму адвоката и постоянным усилиям правозащитников. Путем успешного обращения в международный орган стало возможным преодоление негативного решения самой высокой национальной судебной инстанции — Конституционного суда РФ, которое, казалось бы, еще в 2012 году «закрыло тему» оспаривания списка запрещенных профессий.

Решение КЛДЖ ООН по делу Медведевой должно привлечь внимание правительства и других стран — участниц Конвенции к необходимости отмены дискриминационных профессиональных запретов для женщин, а женщин, которые страдают от дискриминации в сфере труда, вдохновить на защиту своего права на равный доступ к труду.

ЗАЩИТА ОТ ДИСКРИМИНАЦИИ ЛГБТИ

Идея защиты прав ЛГБТИ-сообщества ещё не укоренилась в странах региона на бытовом и законодательном уровне, и важность защиты от дискриминации по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности понятна пока далеко не всем. Гомофобией, безусловно, пронизано российское общество и российское законодательство: в 2013 году Государственная Дума РФ приняла так называемый закон о «пропаганде гомосексуализма»⁴, фактически установивший, что из всех отношений только гетеросексуальные заслуживают пропаганды среди несовершеннолетних. Риск принятия аналогичных законов существует и в других странах региона, а в некоторых до сих пор сохранилось уголовное преследование за гомосексуальные отношения (Туркменистан, Узбекистан).

В решениях международных судов закрепилось понимание, что дискриминация по признаку сексуальной ориентации — это одно из наиболее сильных проявлений неравенства, наравне с расовой дискриминацией. Ниже рассмотрены наиболее важные решения Европейского суда по правам человека и Комитета ООН по правам человека по вопросам дискриминации ЛГБТИ-людей в России.

ДЕЛО «АЛЕКСЕЕВ ПРОТИВ РОССИИ» (ЕСПЧ, 2010)⁵

В 2006 году московский активист Николай Алексеев решил провести в столице шествие для привлечения внимания к проблемам сексуальных меньшинств. Мероприятие было намечено на 27 мая 2006 года — в этот день в России отмечается годовщина отмены уголовной ответственности «за мужеложество». Планы Алексеева привлекли внимание московских чиновников, солидаризировавшихся в желании не допустить «пропаганду нетрадиционных отношений» на улицах столицы. Среди активных противников шествия оказался и мэр Москвы Юрий Лужков, заявивший, что считает гомосексуальность «не-

⁴ Федеральный закон от 29 июня 2013 года № 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона „О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей».

⁵ Жалобы №№ 4916/07, 25924/08 и 14599/09, Постановление ЕСПЧ от 21 октября 2010 года.

естественной» для человеческой природы и опасается, что гей-прайд возбудит общество, «которое настроено против этих явлений». Лужков поручил городским чиновникам «принять конкретные меры по упреждению и недопущению проведения публичных и массовых акций гей-направленности в столице», в том числе — организовать проведение «активной кампании через средства массовой информации и социальной рекламы с использованием поступающих обращений граждан, общественных и религиозных организаций».

Несмотря на заявленный протест властей, Алексеев вместе с единомышленниками подал уведомление о проведении шествия через центр города. В ответ власти Москвы направили отказ, мотивированный интересами обеспечения общественного порядка, защиты здоровья, норм морали, а также прав и свобод других лиц; указывалось, в частности, что против проведения шествия было подано множество заявлений со стороны представителей органов власти и религиозных конфессий, а также казачьих старейшин и других лиц. Получив такой ответ, организаторы подали уведомление о проведении другого мероприятия, но и эта заявка была отклонена властями — по тем же основаниям, что и первая. Активисты обжаловали запреты в суде, но суды встали на сторону властей, указав, что мэрия вправе запрещать публичные мероприятия из соображений безопасности. На стадии апелляции жалобы активистов также были отклонены.

В день, на который изначально было запланировано шествие, 27 мая 2006 года, Алексеев и другие активисты решили собраться в Александровском саду и возложить цветы к памятнику жертвам войны, чтобы почтить память жертв фашизма, в том числе геев и лесбиянок, а также провести пикетирование у мэрии Москвы с протестом против запрета прайда. Когда активисты прибыли в Александровский сад, ворота сада были закрыты, а у входа находились полицейские и около сотни граждан, протестующих против «пропаганды гомосексуализма». Алексеев был задержан и привлечён к административной ответственности за нарушение условий проведения демонстраций. Другие участники акции проследовали к зданию московской мэрии; протестующие следовали за ними и вели себя агрессивно: несколько участников акции получили лёгкие телесные повреждения.

Через год активисты снова попытались провести прайды, но мэрия и в этот раз ответила запретом, ссылаясь на соображения безопасности. В 2008 году активисты подали уже более 100 заявок на проведение публичного мероприятия, но ни одна из них не была одобрена властями. Алексеев пытался также согласовать акции протеста против действий московских властей, но и они были запрещены. Суды во всех случаях вставали на сторону мэрии.

Окончательно убедившись в невозможности добиться справедливости на национальном уровне, Алексеев обратился в Европейский суд по правам человека. Алексеев утверждал, что было нарушено его право на свободу мирных собраний и что запрет, неоднократно налагаемый властями на проведе-

ние акций, «не был законным, не преследовал какую-либо законную цель и не был необходим в демократическом обществе». Причиной запрета, по мнению Алексеева, были не заявленные соображения безопасности, а гомофобная позиция властей.

Власти Российской Федерации отвергали обвинения Алексеева: они отмечали, что российское законодательство предусматривает ограничения проведения публичных мероприятий в целях охраны общественного порядка, и в данном случае никакими мерами, кроме запрета, нельзя было обеспечить безопасность граждан. В подтверждение этого довода власти ссылались на многочисленные общественные петиции с требованиями о запрете мероприятий, в которых содержались угрозы применения насилия в случае, если мероприятия состоятся. Власти ссылались и на соображения морали: разрешение гей-парадов якобы могло стать «ужасным унижением человеческого достоинства» тех, чьи религиозные и моральные убеждения предполагают негативное отношение к гомосексуальности, в то время как «демократическое государство должно оберегать общество от разрушительного влияния, оказываемого на основы морали, и защищать человеческое достоинство всех граждан, в том числе и верующих». По мнению властей, жители Москвы ещё не были готовы принять проведение гей-парадов, поэтому в России «пропаганда гомосексуализма» должна происходить в приватной обстановке или в специально отведённых местах с ограниченным доступом.

Алексеев оспорил позицию властей по каждому из тезисов. Во-первых, он не согласился с тем, что запрет проведения шествий был осуществлён в соответствии с законом: он подчеркнул, что власти должны были предложить другое место для проведения мероприятия, но не запрещать его. Во-вторых, Алексей отметил, что для российских властей понятие «мораль» охватывает только те взгляды, которые являются доминирующими, что противоречит принципу плюрализма мнений, важному в демократическом обществе. Алексеев также подчеркнул, что рассматриваемые мероприятия не могли по своей сути затрагивать вопросы морали, поскольку они не подразумевали демонстрацию наготы или сексуально откровенного поведения. Власти России не доказали, что в результате проведения предполагаемых мероприятий мог бы быть причинён вред обществу или третьим лицам. Напротив, по мнению Алексеева, шествия принесли бы пользу российскому обществу посредством защиты идей толерантности и защиты прав представителей ЛГБТИ-сообщества.

Решение ЕСПЧ по делу Алексева

Жалоба Алексева была единогласно поддержана судьями ЕСПЧ. Суд заключил, что «независимо от цели и законности в соответствии с национальным законодательством» запрет шествия не отвечает «требованию необходимости в демократическом обществе». Комментируя довод российской стороны о том,

что единственным способом обеспечения безопасности был запрет акций, ЕСПЧ отметил, что «власти Российской Федерации не дали соответствующую оценку риску покушения на безопасность участников мероприятий и общественный порядок» и, что «если бы каждый раз вероятность возникновения напряжения <...> в ходе демонстрации гарантировала ее запрет, общество оказалось бы в ситуации отсутствия возможности выслушать иную точку зрения по любому вопросу, который затрагивает чувства большей части общества...». Более того, Суд заключил, что соображения о безопасности были лишь поводом для запрета, в то время как реальной причиной была гомофобная позиция властей: «из публичных заявлений мэра г. Москвы, а также из замечаний властей Российской Федерации следует, что если угроза безопасности и играла какую-то роль при принятии властями решения о запрете мероприятий, то она в любом случае являлась вторичной по отношению к соображениям об общественной морали». ЕСПЧ также отметил, что власти РФ фактически подменили понятием «пропаганда» право меньшинств на самоидентификацию: «...возражение компетентных властей вызвали не поведение или внешний вид участников мероприятий, а сам факт того, что они выразили намерение открыто проявить себя как геи и лесбиянки, индивидуально и в группе». При этом Суд подчеркнул, что власти РФ не привели никаких данных, подтверждающих, что такое открытое проявление идентичности может оказать негативное влияние на малолетних. Само представление о таком негативном влиянии судьи посчитали основанным не на предвзятых взглядах и не соответствующим ценностям Конвенции, призванной, напротив, гармонизировать отношения между разными группами населения и информировать общество о существовании различных социальных групп.

ЕСПЧ констатировал, что запрет шествия был дискриминационным и не соответствовал ценностям Конвенции. Судьи усмотрели нарушение статьи 11 ЕКПЧ («Свобода собраний»), а также связанное с ним нарушение статей 13 («Право на эффективное средство правовой защиты») и 14 («Защита от дискриминации»).

Важные моменты в решении ЕСПЧ по делу Алексева

- Благополучие демократического общества достигается не в результате насаждения одного мировоззрения, а посредством гармонизации разнообразных мировоззрений, и эта гармонизация невозможна без реализации права на свободу собраний

«Гармоничное взаимодействие между людьми и группами с различными взглядами на самоидентификацию является необходимым для достижения социальной сплочённости. Когда гражданское общество нормально функционирует, исключительно естественным представляется то, что участие граждан в демократических процессах по большей части достигается посредством при-

надлежности к объединениям, в рамках которых они могут взаимодействовать друг с другом и совместно стремиться к общим целям. <...> ...должно быть достигнуто равновесие, которое будет гарантировать справедливое и надлежащее отношение к меньшинствам и предупреждать любое злоупотребление доминирующим положением».

- **Государства — участники Конвенции несут позитивные обязанности по обеспечению принципа плюрализма, в том числе — по обеспечению безопасности публичных мероприятий меньшинств**

«Реальное и эффективное уважение свободы собраний и объединений не может быть сведено просто к обязанности невмешательства со стороны государства... Таким образом, могут существовать обязательства обеспечить эффективную реализацию данных свобод... Данное обязательство имеет особое значение для лиц, придерживающихся непопулярных взглядов или принадлежащих к меньшинствам, поскольку они более подвержены преследованию. <...> У участников [акций] должна быть возможность проводить демонстрации без страха того, что они могут подвергнуться физическому насилию со стороны их оппонентов. Таким образом, обязанностью Договаривающихся Государств является принятие разумных и необходимых мер для обеспечения мирного проведения законных демонстраций».

«...гарантии статьи 11 Конвенции распространяются на все собрания, за исключением тех, на которых организаторы и участники намерены применять силу или в иной форме отрицают основы „демократического общества“ <...> ...любые меры, представляющие собой вмешательство в свободу собраний и выражения мнения, иначе как в случаях подстрекательства к проявлению жестокости и отрицания демократических принципов — какими бы шокирующими и неприемлемыми не представлялись властям конкретные взгляды или используемые слова, — оказывают плохую услугу демократии и зачастую подвергают ее опасности».

- **Соображения безопасности, основанные только на предположениях и угрозах, не могут быть основанием для запрета публичных акций**

«Европейским Судом не может быть принят довод о том, что данные заявления [заявления противников шествия] должны рассматриваться как общий показатель того, что шествие прайда и пикетирование несли в себе опасность провокации общественных беспорядков. <...> ...только существования риска недостаточно для запрета проведения мероприятий: при осуществлении оценки власти должны представить точные предположения относительно потенциального уровня беспорядков с целью выбора средств, необходимых для нейтрализации угрозы возникновения насильственных столкновений. <...> Власти Российской Федерации не представили каких-либо заявлений относительно того, уведомил ли кто-либо из заявителей о проведении протестных демонстраций. Если бы уведомление было представлено, власти могли бы принять меры для обеспечения мирного проведения обоих мероприятий в соответствии с законом, позволив

обеим сторонам решить свои задачи, выразив свою точку зрения и избежав физических столкновений. Именно на власти Москвы была возложена обязанность обратиться к потенциальным протестантам (посредством публичного объявления или в персональных ответах на их заявления), чтобы напомнить им о необходимости соблюдения требований законодательства при проведении акций протеста».

- **Потакая угрозам противников ЛГБТИ-акций, власти солидаризируются с их гомофобной риторикой**

«Что касается вопросов, связанных с заявлениями с призывами к насилию..., они могли быть эффективно решены посредством уголовного преследования виновных лиц. Тем не менее, из материалов дела не следует, что в рассматриваемом деле власти отреагировали на призыв религиозного деятеля к насилию иным образом, а не только запретом проведения мероприятия, которое он осудил. Ссылаясь на такие очевидно незаконные призывы как на основания для запрета проведения мероприятий, компетентные власти оказали поддержку лицам или организациям, которые явно и умышленно намеревались воспрепятствовать проведению мирной демонстрации, что нарушило требования закона и общественный порядок».

- **Главной причиной запрета акций были не соображения безопасности, а гомофобные предрассудки властей, в том числе — лично мэра Москвы**

«...основной причиной принятия решения о запрете проведения мероприятий, организованных заявителем, явилось несогласие властей с проведением демонстраций, которые они рассматривали как пропаганду гомосексуальности <...>. В частности, Европейский Суд не может оставить без внимания личные убеждения, публично высказанные мэром г. Москвы, и безусловную связь между данными заявлениями и запретом. В свете данных выводов Европейский Суд также считает установленным тот факт, что в отношении заявителя имела место дискриминация по признаку сексуальной ориентации его самого и других участников планируемых мероприятий. Он также полагает, что власти Российской Федерации не представили обоснование, из которого бы следовало, что оспариваемое различие в отношении было совместимо со стандартами Конвенции».

Адвокат Дмитрий Бартенев считает этот довод одним из главных в позиции ЕСПЧ: «Сейчас в России это распространённая проблема: власти не называют открыто основания для запрета и ссылаются на, казалось бы, объективные причины вроде безопасности или проведения дорожных работ, при этом реальные основания запрета всем понятны. Мы убедили ЕСПЧ, что реальным основанием запрета была дискриминация по признаку сексуальной ориентации. Мотивировка национальных судов в этой части не имела решающего значения. ЕСПЧ посчитал, что он не может игнорировать гомофобные заявления московских властей, которые имели влияние в том числе на суды».

- **Права геев и лесбиянок выражать свою идентичность и пропагандировать свои права и свободы не зависят от мнения большинства и являются устойчивейшей ценностью**

«...Европейский Суд напоминает, что, если бы реализация прав, предусмотренных Конвенцией, группой меньшинств была бы поставлена в зависимость от согласия на то со стороны большинства, данная ситуация была бы несовместима с основополагающими ценностями Конвенции. Если бы это было так, права меньшинств на свободу вероисповедания, выражения мнения и собрания стали бы в большей степени теоретическими, чем практическими и эффективными, как того требует Конвенция».

Хотя согласие в Европе достигнуто не по всем вопросам, касающимся прав ЛГБТИ-сообщества, и многие вопросы отнесены на усмотрение национальных властей, предел усмотрения государства в таких вопросах «неотделим от надзора со стороны Европы». «В любом случае отсутствие европейского согласия по данным вопросам не имеет отношения к данному делу, поскольку предоставление прав гомосексуалам принципиально отличается от признания их права на проведение агитации в пользу данных прав. Не существует двусмысленности в отношении признания другими государствами-участниками права людей открыто называть себя геем, лесбиянкой или иным сексуальным меньшинством и пропагандировать свои права и свободы, в том числе посредством реализации свободы мирных собраний...».

- **Упоминание гомосексуальности и открытая дискуссия о ней сами по себе не могут оказать негативного влияния на детей**

«В распоряжении Европейского Суда отсутствуют научные доказательства и социологическая информация, подтверждающие, что обычное упоминание о гомосексуальности или открытая общественная дискуссия о социальном статусе сексуальных меньшинств окажет негативное воздействие на детей или „ранимых взрослых“. Наоборот, только с помощью справедливой и общественной дискуссии общество может обратиться к таким сложным вопросам, которые были подняты в данном деле. Такая дискуссия, подкреплённая академическими исследованиями, положительно бы отразилась на взаимодействии внутри общества в результате обеспечения гарантий того, что представители всех точек зрения, в том числе и конкретные личности, будут заслушаны».

- **Сексуальная ориентация является категорией, требующей особой защиты от дискриминации**

«Европейский Суд напоминает, что сексуальная ориентация является концепцией, на которую распространяются положения статьи 14 Конвенции... Более того, когда рассматриваемое различие проявляется в такой интимной и уязвимой сфере личной жизни человека, Европейскому Суду должны быть представлены особенно веские доводы для обоснования меры, применение которой оспаривается. Когда причиной разницы в обращении становится пол или

сексуальная ориентация, государству остаётся весьма ограниченный предел усмотрения, и в таких ситуациях принцип соразмерности не просто требует того, чтобы выбранная мера в принципе подходила для достижения поставленной цели; должно быть доказано, что она была необходима в конкретных обстоятельствах. На самом деле, если причины различного обращения основаны исключительно на сексуальной ориентации заявителя, данное обстоятельство будет представлять собой дискриминацию в соответствии с положениями Конвенции...».

ДЕЛА БАЕВА И ФЕДОТОВОЙ

В отличие от дела Алексеева, где российские власти как бы отреклись от собственной гомофобии, подменяя реальные мотивы запретов фиктивными, более поздние жалобы Николая Баева и Ирины Федотовой касались уже узаконенной дискриминации — ситуации, когда в РФ были приняты законы о запрете «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних». ЛГБТ-активисты считали важным протестировать границы реализации гомофобного закона и оспорить его как неконституционный. Первыми активистами, решившимися на это, были Ирина Федотова и Николай Баев. Отстаивая своё право на свободу слова и защиту от дискриминации, Николай Баев дошёл до ЕСПЧ, а Ирина Федотова — до Комитета ООН по правам человека.

ДЕЛО «ФЕДОТОВА ПРОТИВ РОССИИ» (КПЧ ООН, 2012)⁶

Дело Ирины Федотовой началось в Рязани — именно этот город стал «пионером» гомофобного законодательства в России: в 2006-2008 гг. Рязанская областная дума приняла Закон «О защите нравственности и здоровья детей в Рязанской области», который запретил публичную деятельность, направленную на «пропаганду гомосексуальных отношений среди несовершеннолетних», и ввела административную ответственность за нарушение этого закона.

Ирина Федотова и Николай Баев, несогласные с гомофобным нормотворчеством региональных властей, провели в марте 2009 года пикеты у здания детской библиотеки в Рязани, держа в руках плакаты «Гомосексуальность — это нормально» и «Я горжусь своей гомосексуальностью». Активисты были привлечены к административной ответственности за «пропаганду гомосексуальных отношений» и оштрафованы. В национальных судах активисты

⁶ Жалоба № 1932/2010, решение КПЧ ООН от 30 ноября 2012 года.

пытались доказать, что новые нормы рязанского законодательства противоречат Конституции РФ, но их аргументы были отвергнуты и в первой инстанции, и в апелляции.

Вместе с другими активистами Федотова пыталась оспорить закон о «пропаганде гомосексуальных отношений» и в российском Конституционном суде, однако ее жалобу отказались принять к рассмотрению⁷. Позиция КС сводилась к тому, что «целью государственной политики в интересах детей является в том числе защита от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие», при этом сам по себе запрет пропаганды мужеложества и лесбиянства «как деятельности по целенаправленному и бесконтрольному распространению информации, способной нанести вред здоровью, нравственному и духовному развитию, в том числе сформировать искажённые представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных брачных отношений, — среди лиц, лишённых в силу возраста возможности самостоятельно критически оценить такую информацию, не может рассматриваться как нарушающий конституционные права граждан». КС также установил, что закон не закрепляет «какие бы то ни было меры, направленные на запрет гомосексуализма или его официальное порицание, не содержат признаков дискриминации».

В 2010 году Федотова обратилась в Комитет ООН по правам человека. В жалобе она указала, что было нарушено её право на свободу выражения мнения, которое гарантируется в статье 19 Пакта о гражданских и политических правах. Заявительница утверждала, что закон, применённый в отношении нее, противоречит статье 26 Пакта, так как является дискриминационным по отношению к гомосексуалам. 30 ноября 2012 года КПЧ ООН заключил, что Россия действительно нарушила свои обязательства по пункту 2 статьи 19 в совокупности со статьёй 26 Пакта о гражданских и политических правах. Признание Комитетом по правам человека дискриминации по признакам сексуальной ориентации и гендерной идентичности в этом деле — первый случай в регионе.

Важные моменты в решении КПЧ ООН по делу Федотовой

- **Рассматриваемый закон несовместим с положением Пакта о недискриминации, ограничения свободы мнений и свободы их выражения в данном случае не отвечают требованию необходимости и соразмерности**

⁷ Определение Конституционного Суда РФ об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Алексева Николая Александровича, Баева Николая Викторовича и Федотовой Ирины Борисовны на нарушение их конституционных прав статьёй 4 Закона Рязанской области «О защите нравственности детей в Рязанской области» и статьёй 3.10 Закона Рязанской области «Об административных правонарушениях» от 19 января 2010 года.

Комитет напомнил, что свобода мнений и свобода их выражения являются неотъемлемым условием всестороннего развития личности и любые ограничения этих свобод должны строго отвечать требованию необходимости и соразмерности, «должны устанавливаться лишь для тех целей, для которых они предназначены, и должны быть прямо связаны с конкретной целью, достижение которой они преследуют». При этом, вне зависимости от того, является ли какое-либо ограничение законным с точки зрения внутреннего права, законы, ограничивающие право на свободу выражения мнения, должны являться совместимыми с положениями, целями и задачами Пакта, включая положения о недискриминации. Установление ограничений в целях защиты нравственности должно основываться на принципах плюрализма, и любые подобные ограничения должны рассматриваться в контексте универсального характера прав человека и принципа недопущения дискриминации.

Комитет счёл, что Россия не продемонстрировала, что ограничение права выражения мнений, связанного с «пропагандой гомосексуализма», в отличие от пропаганды гетеросексуальности или сексуальности в целом, среди несовершеннолетних основано на разумных и объективных критериях. Кроме того, не было предоставлено каких-либо доказательств, которые указывали бы на факторы, оправдывающие существование такого разграничения.

- По смыслу решения можно сказать, что российские власти, по мнению КПЧ ООН, подменили понятие «выражение идентичности» понятиями «вовлечение в сексуальную активность» и «пропаганда сексуальной ориентации».

Формулировка статьи 3.10 Закона Рязанской области, по мнению КПЧ ООН, не даёт чёткого понимания, относится ли термин «гомосексуализм» к чьей-либо сексуальной ориентации или к сексуальным действиям или к тому и другому, что не позволяет однозначно определить волю законодателя и даёт возможность для необоснованно широкого применения закона.

Комитет принял к сведению аргументы России о том, что Федотова преднамеренно стремилась вовлечь детей в обсуждение ЛГБТИ-повестки и что её действия содержали «элемент провокации», а также о том, что государственные органы не вмешивались в её частную жизнь, однако отметил, что Россия не смогла обосновать, почему было необходимо ограничить право Федотовой на выражение её мнений и на выражение её сексуальной идентичности.

Дело «Баев и другие против России» было инициировано по жалобам трёх активистов: Николая Баева, Алексея Киселёва и Николая Алексеева, которые в разные годы были привлечены к административной ответственности за публичные действия, направленные на «пропаганду гомосексуальных отношений среди несовершеннолетних». Хотя отправной точкой в деле Николая Баева был тот же пикет у здания детской библиотеки в Рязани, что и в деле Ирины Федотовой, решение ЕСПЧ по этому делу было принято значительно позже решения КПЧ ООН по делу Федотовой. К этому моменту в России уже существовало не только региональное законодательство о «пропаганде гомосексуализма» — был принят и федеральный закон. Принимая это во внимание, ЕСПЧ в своём решении говорил не только о региональных законах, на которые жаловались активисты, но о таких законах вообще. Поставив перед собой вопрос о совместимости таких законов с требованиями ЕКПЧ, Суд ответил на него отрицательно.

Как указывалось выше, первым российским регионом, в котором активисты стали протестовать против гомофобного законодательства, была Рязанская область (2009). В 2012 году, после принятия схожих норм в других регионах, аналогичные протестные акции прошли около детской библиотеки в Архангельске и у здания Законодательного собрания Санкт-Петербурга. Во всех случаях активисты были привлечены к административной ответственности за «пропаганду гомосексуальных отношений» и оштрафованы; во всех случаях апелляционные инстанции оставили решения судов без изменений.

Привлечённые к ответственности активисты Николай Баев и Николай Алексеев пытались оспорить законы Рязанской области и Санкт-Петербурга о пропаганде гомосексуальных отношений в Конституционном суде РФ: активисты считали, что эти законы противоречат принципам равенства и свободы слова, закреплённым в статьях 19 и 29 Конституции, однако обе жалобы были признаны судом неприемлемыми.

В 2013 году запрет на «пропаганду нетрадиционных отношений» среди несовершеннолетних был принят на федеральном уровне. В связи с этим Николай Алексеев и другие активисты снова обратились в Конституционный суд РФ. Активисты утверждали, что закон неправомерно ограничивает свободу слова, а также стигматизирует и дискриминирует геев и лесбиянок, так как подразумевает, что гомосексуальные отношения аморальны. Адвокат Дмитрий Бартенев отмечает, что одним из ключевых аргументов заявителей было утверждение, что

⁸ Жалобы №№ 67667/09, 44092/12, 56717/12. Решение ЕСПЧ от 20 июня 2017 года.

гомосексуальные отношения — это не только и не столько **сексуальные** отношения. Заявители пытались убедить КС, что эти отношения связаны в первую очередь с личной привязанностью, однако не были услышаны. 23 сентября 2014 года Конституционный суд РФ рассмотрел жалобу по существу и отклонил её.

Позиция КС⁹ на этот раз базировалась на следующих положениях:

- 1) «...осуществление гражданами права на распространение информации, касающейся вопросов сексуального самоопределения личности, не должно нарушать права и свободы других лиц...»;
- 2) государство вправе вводить ограничения на деятельность, связанную с распространением определённой информации, «если она приобретает агрессивный, навязчивый характер и способна причинить вред правам и законным интересам других лиц, прежде всего несовершеннолетних, и является оскорбительной по форме»;
- 3) «...регулирование свободы слова и свободы распространения информации не предполагает создание условий, способствующих формированию <...> отличных от общепризнанных трактовок института семьи и сопряжённых с ним социальных и правовых институтов...».

КС также отметил, что ограничения касаются только распространения информации среди несовершеннолетних, а значит «не могут рассматриваться как исключающие возможность реализации конституционного права на свободу информации в этой сфере...»; сам по себе запрет пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений, по мнению КС, «не исключает подачи соответствующей информации в нейтральном (просветительском, художественном, историческом) контексте», а «термин „нетрадиционные сексуальные отношения“, как и конструкция „искажённое представление о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений“ обусловлены лишь ее целевым назначением, не означают негативной оценки государством нетрадиционных сексуальных отношений как таковых, не направлены на умаление чести и достоинства граждан, практикующих подобные отношения». Исходя из этого, Суд заключил, что закон не может рассматриваться как «официальное порицание нетрадиционных сексуальных отношений».

Исчерпав возможности национального законодательства, Николай Баев и Николай Алексеев обратились в ЕСПЧ. Суд объединил их жалобы с жалобой активиста Алексея Киселёва и пришёл к выводу, что Россия нарушила положения статьи 10 ЕКПЧ («Свобода выражения мнения») и статьи 14 («Запрещение дискриминации») в сочетании со статьёй 10.

⁹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 сентября 2014 года по делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова.

Важные моменты в решении ЕСПЧ по делам Баева, Алексеева, Киселева

- Закон о запрете «пропаганды гомосексуализма» является дискриминационным и несовместим с требованиями Конвенции

«Суд отмечает, что основным вопросом в деле является само существование законодательства, запрещающего пропаганду гомосексуальности и нетрадиционных сексуальных отношений... Ранее Суд устанавливал, что негативное влияние норм закона или политики само по себе может представлять вмешательство в право на свободу выражения мнения... <...> **Рассматриваемый закон является примером законодательства, основанного на предрассудках...**».

«Суд установил, что **законодательство о «пропаганде гомосексуализма» само по себе «устанавливает неполноценность однополых отношений в сравнении с разнополыми» и «благоприятствуют созданию предубеждений к гомосексуальному меньшинству со стороны гетеросексуального большинства»,** при этом «Правительство не представило убедительных и веских оснований, оправдывающих такое различие в отношении».

«Прежде всего, принимая такие законы, власти усиливают стигму и предубеждения, поощряют гомофобию, которые несовместимы с идеями равенства, плюрализма и толерантности в демократическом обществе».

- **Права сексуальных меньшинств выражать свою идентичность и пропагандировать свои права являются устоявшейся ценностью**

«Суд указывает на наличие чётко определённого Европейского консенсуса о признании прав личности открыто идентифицировать себя в качестве гея, лесбиянки или представителя другого сексуального меньшинства и способствовать продвижению собственных прав и свобод...».

- **Гомосексуальные отношения сами по себе не противоречат семейным ценностям**

«Суд не видит оснований для признания гомосексуальности и семейных ценностей несовместимыми... **В выборе способов, предусмотренных для защиты семьи, государство несёт обязательство принять во внимание развитие общества и изменение восприятия семейного статуса и отношений...** Не оспаривая семейные ценности, можно добавить, что многие представители сексуальных меньшинств выражают приверженность институтам брака, партнёрства, родительства и усыновления... Правительство не смогло продемонстрировать, каким образом публичное обсуждение однополых отношений обесценивает или каким-то другим образом может оказать отрицательное влияние на существующие и сложившиеся „традиционные семьи“ или подвергнуть опасности их в будущем».

- **Распространённость гомофобных взглядов не может быть оправданием для принятия гомофобных законов**

«Суд всегда отказывался поддерживать политику или решения, которые содержат предрасположенность к предрассудкам в отношении гомосексуального меньшинства со стороны гетеросексуального большинства...
...ссылки на традиции или общие предположения в отдельных странах сами по себе не могут признаваться Судом как достаточное оправдание дифференцированного отношения...».

«...зависимость закреплённых в Конвенции прав меньшинств от признания их большинством является несовместимой с основными ценностями Конвенции. В таком случае права меньшинств на свободу религии, выражения мнений и мирные собрания будут просто теоретическими, а не практическими и эффективными, как того требует Конвенция».

- **Открытая дискуссия о гомосексуальности не увеличивает, а снижает риски заболеваний**

«Правительство не доказало, что высказанные заявителями идеи пропагандировали поведение, связанное с риском для здоровья. В любом случае Суд отмечает неправдоподобность того, что ограничение возможности свободы выражения мнения в отношении вопросов сексуальной ориентации способствует снижению рисков для здоровья. Как раз напротив, распространение информации о сексуальной и гендерной идентичностях и повышение осведомлённости о сопутствующих рисках и методах защиты от этих рисков, представленных объективно и на научной основе, являются необходимой частью кампании профилактики заболеваний и общей политики здравоохранения».

- **Законы о запрете «пропаганды гомосексуализма» не могут быть оправданы соображениями демографии**

«Запрет информации об однополых отношениях не является методом, при помощи которого тенденция демографического развития может измениться в противоположную сторону. ...в любом случае общая польза должна быть сопоставима с конкретными правами представителей ЛГБТ-сообщества, на которых негативно повлияли оспариваемые ограничения. Достаточно заметить, что социальное одобрение гетеросексуальных пар не обусловлено их намерениями или возможностью иметь детей».

- **Довод о защите несовершеннолетних является лишь поводом для запрета публичной дискуссии о гомосексуальности**

«Суд обращает внимание, что основной причиной принятия законов была необходимость защиты несовершеннолетних и это отражено в тексте законов. Между тем, как следует из того факта, что один из заявителей был оштрафован за демонстрацию перед Законодательным собранием Санкт-Петербурга... Запрет „пропаганды“ не был ограничен специальными ситуациями. Из этого следует, что нахождение в поле зрения несо-

вершеннолетнего случайно или потенциально может быть достаточным для запрета „пропаганды“ в любом месте совершения действия».

- **Руководствуясь соображениями защиты несовершеннолетних от насилия, правительство не должно разделять насилие на гомосексуальное и гетеросексуальное**

«В части заявленного Правительством риска эксплуатации и развращения несовершеннолетних, ссылаясь на уязвимость последних, Суд поддерживает возражения заявителей, что защита от таких рисков не должна ограничиваться однополыми отношениями; позитивные обязательства в равной степени должны принципиально распространяться и на разнополые отношения. ...Российское законодательство уже предусматривает уголовную ответственность за развратные действия в отношении несовершеннолетних и распространение порнографии среди несовершеннолетних, и эти нормы применяются вне зависимости сексуальной ориентации участвующих в этом лиц. Правительство не указало причин, по которым данных норм было недостаточно и почему несовершеннолетние уязвимы к насилию особенно в контексте гомосексуальных отношений, но не гетеросексуальных».

- **Право детей на доступ к информации о толерантности и сексуальности не зависит от мнения их родителей по этим вопросам**

«Конвенция не гарантирует права не сталкиваться с мнением, противоположным чьим-то убеждениям... <...> В таких деликатных вопросах, как публичная дискуссия о сексуальном образовании, где должны быть сбалансированы мнение родителей, образовательная политика и право третьих сторон на выражение мнения, у властей нет другого выбора, как обращаться к критериям объективности, плюрализма, научной точности и, в конечном счёте, полезности отдельного вида информации для юной аудитории... В рамках того, что для несовершеннолетних, бывших свидетелями кампаний заявителей, были изложены идеи разнообразия, равенства, и толерантности, принятие этих взглядов могло способствовать социальному единству. Суд признает, что защита детей от гомофобии практически выражена в Рекомендациях Комитета Министров (2010), поддерживающих «защиту права детей и молодёжи на образование в безопасной среде, свободной от насилия, преследования, социальной изоляции и других форм дискриминационного или унижающего человеческое достоинство обращения на почве сексуальной ориентации или гендерной идентичности»..., равно как и «предоставление объективной информации о сексуальной ориентации и гендерной идентичности, например, в школьных программах и учебных материалах»...

Суд также повторил свои соображения из решения по делу Алексева о том, что в его распоряжении отсутствуют доказательства того, что открытое обсуждение гомосексуальности может негативно сказаться на несовершеннолетних или увлечь их «гомосексуальным образом жизни». Напротив, Суд счёл, что такое обсуждение пойдёт несовершеннолетним на пользу.

ОПЫТ ЗАЩИТЫ ОТ ДИСКРИМИНАЦИИ НА ОСНОВАНИИ СОГИ В АРМЕНИИ

В последние годы в Армении было два резонансных дела о дискриминации по признаку сексуальной ориентации.

17 мая 2014 года в одной из армянских газет была опубликована колонка, в которой представители сексуальных меньшинств были названы «гомосексуальными лоббистами, мужеложцами, врагами государства и нации», цель которых — «снизить репродуктивные показатели страны». Автор колонки объявил «нулевую толерантность» в отношении гомосексуалов: он призывал не брать их на работу и избавляться от них под любым предлогом. В отношении газеты был подан иск от имени 17 человек, заявивших о нарушении их права на защиту от дискриминации, однако суд отклонил иск, обосновав это тем, что заявители не смогли подтвердить факт дискриминации. Обращение в апелляционную и кассационную инстанции не изменили результат рассмотрения дела. В настоящее время жалоба заявителей подана в международные инстанции: 16 заявителей обратились в ЕСПЧ (дело «Лили Минасян и другие против Армении» было коммуницировано 21 февраля 2018 года), и один — в КПЧ ООН.

В мае 2017 года на улицах Еревана появились постеры, привлекающие внимание к проблемам сексуальных меньшинств. На постерах были изображены обнимающиеся мужчины и лозунг: «Ты хочешь, чтобы все люди были счастливы? Тогда пожелай нам счастья!» и «ЛГБТ-люди невидимы, но они повсюду». Постеры провисели всего два дня и были сняты по решению мэра Еревана, который объявил, что постеры противоречат закону. В своём решении мэр ссылаясь на национальное законодательство, которое обязывает рекламные агентства согласовывать постеры с муниципалитетом, а также на негативное отношение общественных активистов, якобы возмущённых «пропагандой гомосексуализма». Активисты посчитали, что все эти рассуждения были лишь поводом, чтобы обосновать гомофобную цензуру; в настоящее время их иск рассматривается в национальном суде.

ДИСКРИМИНАЦИЯ НА ОСНОВАНИИ СОСТОЯНИЯ ЗДОРОВЬЯ

Защита прав людей, живущих с ВИЧ

Из-за отсутствия сексуального и ВИЧ-просвещения возникает множество мифов и дискриминирующей стигматизации: ВИЧ часто воспринимается как болезнь «заграничная» или распространённая лишь среди определенных групп населения, — людей, вовлечённых в проституцию, использующих наркотики и т.п.

Нередко средствами борьбы с распространением ВИЧ-инфекции считают не доступную контрацепцию, медицину и просвещение, а пропаганду полового воздержания, укрепление института семьи и различные ограничения, наложенные на ВИЧ-положительных людей.

Существуют явно неправомерные запреты на профессиональную деятельность, например, запрет ВИЧ-положительным людям работать бортпроводниками или пилотами. Дискриминационные и ограничения на проживание в России ВИЧ-положительных иностранцев и лиц без гражданства.

Международные инстанции не раз отмечали,¹⁰ что не все привычные методы борьбы с эпидемией ВИЧ эффективны, а ограничения, накладываемые на ВИЧ-положительных людей, не всегда могут быть оправданы защитой здоровья населения, особенно если в результате таких ограничений люди будут разлучены со своими семьями.

Наибольшее влияние на изменение миграционного законодательства в отношении ВИЧ-положительных иностранцев, имеющих устойчивые связи в России, имели определения Конституционного суда РФ от 12 мая 2006 года¹¹ и

¹⁰ Мнения международного сообщества по вопросам, связанным с ВИЧ, отражены в следующих документах: Декларация Генассамблеи ООН 2001 года, резолюции № 1995/44 и № 2005/84 Комиссии ООН по правам человека, замечания общего порядка Комитета по экономическим, социальным и культурным правам по вопросу о недискриминации (№ 20, 2009), Рекомендации ПАСЕ 1116 (1989) по СПИДу и правам человека, Резолюция 1536 (2007) ПАСЕ, Конвенция ООН о правах инвалидов (2008), заявление Объединённой программы ООН по ВИЧ/СПИДу/Международной организации по миграции (UNAIDS/IOM) и многие другие.

¹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 12 мая 2006 года № 155-О «По жалобе гражданина Украины Х. на нарушение его конституционных прав п.2 ст.11 Федерального закона „О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)“, п.13 ст.7 и п.13 ст.9 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

2 апреля 2015 года¹² и решения ЕСПЧ по жалобам «Киютин против России» (2011) и «Новрук и другие против России» (2016); в 2017 году после жалобы уволенного сотрудника «Аэрофлота» Верховный суд РФ отменил запрет на профессию бортпроводника людям с диагнозами ВИЧ и СПИД.¹³

ДЕЛО «КИЮТИН ПРОТИВ РОССИИ» (ЕСПЧ, 2011)

Виктор Киютин, гражданин Узбекистана, подал ходатайство о предоставлении вида на жительство в России, где проживала его семья, но оно было отклонено из-за его ВИЧ-положительного статуса; исчерпав возможности российского суда, Киютин обратился в ЕСПЧ: он считал, что подвергся дискриминации, что действия властей были несоразмерными с целью охраны здоровья населения и что власти нарушили его право жить со своей семьёй. ЕСПЧ встал на сторону истца, подчеркнув, что главным в деле Киютина был именно вопрос дискриминации.

Важные положения в решении ЕСПЧ по делу Киютина

- **ВИЧ-положительный статус является категорией, на которую распространяются положения Конвенции ЕКПЧ о дискриминации**

«Хотя статья 14 прямо не упоминает состояние здоровья или какое-либо иное медицинское состояние среди признаков, запрещающих дискриминацию... Суд считает, что различия, основанные на состоянии здоровья, в том числе таком заболевании, как ВИЧ, должны входить — либо как одна из форм инвалидности, либо подобным образом — в понятие „иные признаки“ в тексте статьи 14 Конвенции».

¹² Определение Конституционного Суда РФ от 2 апреля 2015 года № 727-О «По жалобе гражданина Республики Армения Г. на нарушение его конституционных прав положениями подпункта 13 пункта 1 статьи 9 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и пункта 2 статьи 11 Федерального закона «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)».

¹³ Решение Верховного Суда РФ от 13 марта 2017 г. N АКПИ17-31 О признании не действующим в части пункта 42.1 приложения N 3 к Федеральным авиационным правилам «Медицинское освидетельствование лётного, диспетчерского состава, бортпроводников, курсантов и кандидатов, поступающих в учебные заведения гражданской авиации», утверждённым приказом Министерства транспорта РФ от 22 апреля 2002 года № 50.

- **Люди с ВИЧ — уязвимая группа, и в ограничении их прав государство должно быть особенно осторожным**

«Суд считает, что люди, живущие с ВИЧ, являются уязвимой группой, традиционно подвергающейся предрассудкам и клеймлению, и что государствам должны быть предоставлены только узкие пределы усмотрения при выборе мер, которые подвергают представителей этой группы различному обращению на основании их ВИЧ-статуса».

- **Ограничение ВИЧ-положительных людей в получении вида на жительство не соответствует общеевропейским стандартам**

«...из сорока семи государств-членов Совета Европы, только шесть государств требуют от лица, подающего ходатайство о виде на жительство, предоставить отрицательный результат теста на ВИЧ, одно государство требует декларации на этот счёт, и что только три государства предусматривают депортацию иностранцев, которые оказались ВИЧ-положительными... Поэтому представляется, что отказ ВИЧ-положительным заявителям в получении вида на жительство не соответствует существующей европейской практике и имеет незначительную поддержку среди государств-членов Совета Европы. Соответственно, государство-ответчик обязано представить особенно убедительные основания для различного отношения, которому подвергся заявитель».

- **Миграционные ограничения не являются эффективным способом защиты от ВИЧ**

«Всемирная организация здравоохранения признала ограничения на поездки неэффективным способом предотвращения распространения ВИЧ ещё в 1987 году. <...> ...ограничения на поездки и проживание в отношении лиц, живущих с ВИЧ, могут быть не только неэффективными для предотвращения распространения этого заболевания, но даже могут нанести вред здоровью населения страны. Во-первых, мигранты будут оставаться в стране нелегально, чтобы избежать проверки на ВИЧ-инфекцию, и в этом случае их ВИЧ-статус останется неизвестным как органам здравоохранения, так и самим мигрантам... Во-вторых, недопущение в страну ВИЧ-инфицированных иностранцев может создать ложное чувство безопасности, так как население будет считать ВИЧ/СПИД „иностранной проблемой“, решаемой путём депортации, и не будет чувствовать необходимости безопасного поведения».

- **Миграционные ограничения основаны на презумпции опасного поведения ВИЧ-положительных людей**

«...простое присутствие ВИЧ-инфицированного человека в стране не представляет само по себе угрозу для общественного здравоохранения: ВИЧ не передаётся случайно, а только вследствие конкретного поведения,

включая половые сношения и использование общих шприцев в качестве основных путей передачи. Таким образом, предотвращение заражения не зависит исключительно от ВИЧ-инфицированных лиц; ВИЧ-отрицательные лица сами могут принять меры, чтобы защитить себя от инфекции (безопасный секс и безопасные инъекции). Запрет въезда и/или проживания ВИЧ-инфицированных лиц, не являющихся гражданами, с целью предотвращения передачи ВИЧ-инфекции основан на предположении, что они будут заниматься определённым опасным поведением, и что граждане будут не в состоянии защитить себя».

- **Законодательство, ограничивающее права ВИЧ-положительных людей, не должно применяться формально**

«...Суд озабочен категоричным и неизбирательным характером оспариваемой меры. ...В своих заключительных заявлениях Суду Правительство подтвердило, что конкретная ситуация заявителя не имела никакой правовой значимости, и что национальные суды не должны были принимать во внимание информацию о его здоровье или его семейных связях... Суд считает, что такой неизбирательный отказ в виде на жительство, без индивидуальной судебной оценки, и основанный исключительно на состоянии здоровья, не может считаться совместимым с принципом защиты от дискриминации, закреплённым в статье 14 Конвенции...»

Результат дела Кютина — изменение законодательства ряда стран

Вскоре после вынесения постановления по этому делу Генассамблея ООН утвердила Политическую декларацию по ВИЧ и СПИД, в соответствии с которой государства — члены ООН объявили о своей приверженности и решимости вести борьбу с эпидемией ВИЧ/СПИД, в том числе о готовности рассмотреть вопрос о пересмотре миграционных ограничений, связанных с ВИЧ. В последующие годы многие страны отказались от таких ограничений. Например, власти Армении и Молдовы привели своё законодательство в соответствие с позициями Европейского Суда по правам человека и сняли ограничения на въезд, основанные на ВИЧ-статусе, а власти Андорры и Словакии уточнили, что они не применяли подобных ограничений.

ДЕЛО «НОВРУК И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ» (2016)¹⁴

Дело было инициировано по жалобам пяти заявителей — Михаила Новрука, Анны Кравченко, Романа Халупы, Ирины Островской и V.V.¹⁵, в разные годы не добившихся разрешений на временное проживание в России по причине своего ВИЧ-положительного статуса. Заявители жаловались, что ограничения, которым они подверглись, представляли собой дискриминацию по смыслу статьи 14 Конвенции ЕКПЧ (запрет дискриминации) во взаимосвязи со статьёй 8 Конвенции (защита частной жизни).

Руководствуясь определением Конституционного суда РФ 2006 года,¹⁶ заявители пытались доказать в национальных судах, что, отказывая им в разрешении на временное проживание, власти нарушают их права в сфере семейной жизни: у Новрука в России была жена и приёмные дети, у Кравченко — муж и сын, у Халупы — жена и двое детей, у Островской — семья сына и семья сестры — её единственные родственники, у V.V. — партнёр, с которым он сожительствовал много лет. Однако национальные суды заявителей не поддержали.

Жалобы Новрука, Кравченко, Халупы, Островской и V.V. были направлены в Европейский Суд по правам человека в 2011-2014 годах, решение по ним было вынесено в 2016 году. К этому моменту ЕСПЧ уже вынес решение по знаковому делу «Киятин против России, и дело «Новрук и другие...» дало Суду возможность уточнить свои правовые позиции.

Власти РФ предлагали отличать это дело от дела «Киятин против Российской Федерации», так как заявители, по их мнению, не могли считаться оседлыми мигрантами, а государственные органы не вышли за пределы своих полномочий, рассматривая этот вопрос. Власти сослались на схожие, по их мнению, запреты в других странах — например, на требование Соединённого Королевства предоставлять сертификат об отсутствии туберкулёза при подаче заявления для выдачи долгосрочной визы, на обстоятельства дела «Ндангойя против Швеции», в котором ВИЧ-положительный заявитель заразил ВИЧ свою супругу, что, по мнению властей, доказывало, что нельзя воспринимать как презумпцию желание заявителей избегать небезопасного поведения.

¹⁴ Постановление ЕСПЧ от 15 марта 2016 «Дело „Новрук (Novruk) и другие против России» (жалобы № 31039/11, 48511/11, 76810/12, 14618/13 и 13817/14)».

¹⁵ Европейский Суд удовлетворил просьбу заявителя об анонимности.

¹⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 12 мая 2006 года № 155-О «По жалобе гражданина Украины Х. на нарушение его конституционных прав п.2 ст.11 Федерального закона „О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)», п.13 ст.7 и п.13 ст.9 Федерального закона „О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

Суд, однако, встал на сторону заявителей, установив, что их связи с Россией следует считать устойчивыми и что действия властей дискриминируют заявителей. Более того, ЕСПЧ счёл, что дискриминация ВИЧ-положительных людей носит в России системный характер, и обязал Россию принять законодательные меры, которые позволили бы прекратить нарушения, установленные ЕСПЧ, и максимально исправить их последствия.

Важные положения в решении ЕСПЧ по делу «Новрук и другие против России»

- **Высылка оседлых мигрантов нарушает право на уважение их личной жизни, независимо от формального закрепления семейных отношений**

«Понятие „семья“, содержащееся в статье 8 Конвенции, не сводится исключительно к отношениям, основанным на браке, и может охватывать другие *de facto* „семейные“ связи, когда стороны проживают друг с другом вне брака. К таким связям относятся отношения, сложившиеся между парой сожителей одного пола, между которыми сложилось стабильное *de facto* партнерство. Кроме того, в связи с тем, что статья 8 Конвенции защищает также право устанавливать и развивать отношения с другими людьми и внешним миром и может охватывать различные аспекты социальной личности лица, следует признать, что совокупность социальных связей между оседлыми мигрантами и обществом, в котором они живут, включаются в понятие „личная жизнь“ по смыслу статьи 8 Конвенции. Несмотря на существование или отсутствие „семейной жизни“, высылка оседлых мигрантов представляет собой вмешательство в право на уважение их личной жизни. Действительно, оседлый мигрант лишь в редких случаях не имел бы возможности доказать, что его высылка явилась бы вмешательством в право на неприкосновенность „личной жизни“».

- **ВИЧ-положительный статус является категорией, на которую распространяются положения Европейской Конвенции о дискриминации**

«Несмотря на то, что статья 14 Конвенции прямо не упоминает состояние здоровья или какое-либо иное медицинское состояние среди признаков дискриминации, в отношении которых распространяется защита, Европейский Суд признавал, что инвалидность и различные нарушения здоровья подпадают под действие этого положения. Европейский Суд отмечал ранее, что различия в обращении по признаку состояния здоровья, включая такое состояние, как ВИЧ-инфекция, охватывается, как инвалидность или какая-либо форма инвалидности, выражением „иные признаки“ в тексте статьи 14 Конвенции».

- **Заявители подверглись дискриминации по признаку ВИЧ-положительности**
«Европейский Суд считает, что в свете преобладающего европейского и международного консенсуса относительно отмены чрезмерных ограниче-

ний на въезд, пребывание и проживание ВИЧ-инфицированных иностранных граждан и лиц без гражданства, которые являются особо уязвимой группой, государство-ответчик не предоставило убедительных причин или объективных оснований для различий в обращении с заявителями по признаку состояния здоровья. Соответственно, заявители стали жертвами дискриминации по признаку состояния здоровья в нарушение ст.14 Конвенции во взаимосвязи со ст.8 Конвенции. <...>

В связи с тем, что государственные органы не сослались на какие-либо ещё правовые положения, отказывая заявителям в выдаче разрешений на временное проживание и признавая их пребывание (проживание) в Российской Федерации нежелательным, можно сделать вывод о том, что ВИЧ-положительный статус заявителей стал единственным признаком, по которому заявители были подвергнуты обращению, отличающемуся от обращения с иностранными гражданами и лицами без гражданства, не имеющими ВИЧ-инфекции».

- **Люди с ВИЧ — уязвимая группа, и в ограничении их прав государство должно быть особенно осторожным**

«Если ограничение основных прав применяется к особо уязвимой группе общества, которая столкнулась со значительной дискриминацией в прошлом, пределы усмотрения государства значительно сужаются, и у него должны быть весьма веские основания для введения соответствующих ограничений. Причина для применения указанного подхода, который ставит под сомнение определённые классификации *per se*, заключается в том, что данные группы исторически были объектом предубеждения, что породило длящиеся последствия, приведшие к их социальной изоляции. Это предубеждение могло привести к возникновению законодательных стереотипов, исключающих индивидуальную оценку их возможностей и потребностей... Европейский Суд признавал, что лица, имеющие ВИЧ-инфекцию, сталкиваются с целым рядом проблем не только медицинского, но и профессионального, социального, личного и психологического характера, а также с предубеждением, глубоко укоренившимся в сознании даже высоко образованных людей... Предубеждение было порождено неосведомлённостью по поводу способов распространения ВИЧ/СПИДа и привело к клеймению и маргинализации носителей вируса. Соответственно, Европейский Суд отмечал, что лица, живущие с ВИЧ, являются уязвимой группой, и что государство пользуется узкими пределами усмотрения при выборе мер, выделяющих эту группу для различного обращения по признаку их состояния здоровья...».

- **Россия — единственная страна в Совете Европы, которая депортирует людей с ВИЧ**

«В настоящее время Российская Федерация является единственным государством — членом Совета Европы и одним из 16 государств во всем мире, практикующим депортацию ВИЧ-инфицированных иностранных граждан

и лиц без гражданства... В связи с тем, что высылка ВИЧ-инфицированных заявителей не отражает сложившегося европейского консенсуса и не имеет поддержки среди государств — членов Совета Европы, государство-ответчик обязано привести особо веское основание для дифференцированного подхода, жертвами которого себя считали заявители...».

- **ВИЧ-положительные люди сами по себе не представляют угрозу для здоровья населения**

«...хотя ограничение права на проживание ВИЧ-инфицированных иностранных граждан и лиц без гражданства может преследовать правомерную цель защиты здоровья населения... не имеется объективных причин для ограничения въезда, пребывания и проживания ВИЧ-инфицированных лиц в интересах охраны здоровья...

Можно предположить, что ограничения на въезд служат инструментом защиты здоровья населения от высококонтагиозных заболеваний, которые могут передаваться при случайном контакте или воздушно-капельным путём... Весьма удачным примером в данном отношении являются туберкулёз и связанные с ним ограничения, на которые ссылались власти Российской Федерации в своих замечаниях. <...>

...нахождение ВИЧ-инфицированного лица в стране в течение короткого или длительного периода само по себе не представляет угрозы для здоровья населения: ВИЧ не передаётся при случайных контактах или воздушно-капельным путём, а только вследствие конкретного поведения, включающего незащищённые половые контакты и использование общих заражённых шприцев в качестве основных способов заражения».

- **Презумпция опасного поведения ВИЧ-инфицированных людей неправомерна и основана на предвзятых суждениях**

«...предотвращение заражения не зависит исключительно от ВИЧ-инфицированных иностранных граждан или лиц без гражданства. ВИЧ-отрицательные лица могут принять меры для защиты от инфекции (безопасный секс и безопасные инъекции). Запрет на въезд или проживание ВИЧ-инфицированных иностранных граждан или лиц без гражданства с целью предотвращения передачи ВИЧ-инфекции основан на предположении о том, что они будут вести опасный образ жизни и граждане будут не в состоянии защитить себя. Данное предположение представляет собой неуместное обобщение, не связанное с реальностью и не учитывающую конкретную ситуацию соответствующего лица...».

- **Власти не должны принимать решения за граждан о способах лечения**

«Поскольку власти Российской Федерации опирались на тот факт, что заявители могли получить лечение в стране гражданства, как на основание для их депортации, Европейский Суд повторяет, что нельзя использовать

данное обстоятельство для отрицания возможности заявителей продолжать семейную и личную жизнь на территории Российской Федерации. Заявители должны иметь свободу при принятии решений относительно собственного лечения: платить ли за необходимое лечение или уехать в страну, в которой они имели право на бесплатную медицинскую помощь».

- **Законы в отношении ВИЧ-положительных людей не должны применяться формально**

«Европейский Суд подчёркивает, что решение, которое может привести к ограничению права на уважение личной и семейной жизни, должно приниматься на основе индивидуальной судебной оценки всех относящихся к делу фактов. Если решение основано на предопределённом признании целой группы уязвимых лиц в качестве угрозы для здоровья населения исключительно по признаку состояния здоровья, оно не может считаться совместимым с защитой против дискриминации, предусмотренной статьёй 14 Конвенции...».

- **Пожизненный запрет на въезд в Россию несоизмерим с целью защиты здоровья населения**

«...решения о нежелательности пребывания (проживания) иностранного гражданина в Российской Федерации... не устанавливали каких-либо сроков для их депортации из Российской Федерации. Поскольку решения были вынесены в связи с наличием у заявителей ВИЧ-инфекции, которая в соответствии с современными медицинскими стандартами является неизлечимым заболеванием, в силу действующего законодательства они имели характер пожизненного запрета на въезд в Российскую Федерацию. Европейский Суд повторяет, что запрет на проживание на неопределённый срок является чрезмерно суровой мерой...».

Результат дела «Новрук и другие против РФ» — изменение национального законодательства

К моменту вынесения решения по жалобам Новрука и других Конституционный суд России опубликовал ещё одно судьбоносное постановление,¹⁷ в котором признал неконституционными положения миграционного

¹⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 12 марта 2015 года № 4-П «По делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 25.10 Федерального закона „О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию“, подпункта 13 пункта 1 статьи 7 Федерального закона „О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации“ и пункта 2 статьи 11 Федерального закона „О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» в связи с жалобами ряда граждан».

законодательства,¹⁸ ограничивающие права ВИЧ-положительных людей в сфере семейной жизни. В этом постановлении было указано, что «применительно к ВИЧ-инфекции в настоящий момент мировым сообществом признано, что наличие таковой у лица не должно рассматриваться как условие, создающее угрозу для здоровья населения, поскольку вирус иммунодефицита человека, хотя он и является инфекционным, передаётся не в результате присутствия инфицированного лица в стране или при случайном контакте через воздух или общие носители, такие как еда или вода». В результате вынесения Конституционным судом РФ этого постановления был принят закон, разрешающий ВИЧ-положительным иностранцам и лицам без гражданства жить со своими семьями в России.¹⁹

В решении по делу «Новрук и другие...» ЕСПЧ прокомментировал проект этого закона, отметив его прогрессивность, но выразив сожаление о том, что изменения решат проблему не всех заявителей по делу: «Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 марта 2015 года представляло собой огромный шаг вперёд в направлении защиты прав лиц, живущих с ВИЧ... Конституционный Суд Российской Федерации признал наличие медицинского консенсуса в отношении путей передачи ВИЧ-инфекции и отметил, что существующая административная практика оценки ситуации ВИЧ-положительных лиц не соответствовала правовым позициям Конституционного Суда. <...> Европейский Суд выражает озабоченность по поводу того, что предложенный законопроект ограничивает своё действие иностранными гражданами и лицами без гражданства, которые имеют супругов, родителей или детей, постоянно проживающих в Российской Федерации. Соответственно, законопроект никак не повлияет на ситуацию заявителя V.V. <...> Если усилия, предпринимаемые властями Российской Федерации для решения проблемы, связанной с нарушением Конвенции, лежащей в основе настоящего дела, или масштаб проводимых изменений окажутся недостаточными, Европейский Суд может повторно рассмотреть вопрос о необходимости применения процедуры пилотного постановления к данной категории дел».

¹⁸ Речь идёт о взаимосвязанных положениях Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и Федерального закона «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)».

¹⁹ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части права иностранных граждан и лиц без гражданства, страдающих заболеванием, вызываемым вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекцией), на пребывание и проживание в Российской Федерации».

Реализация решения ЕСПЧ по делу «Новрук и другие против РФ»

К сожалению, решения ЕСПЧ по делам о дискриминации не всегда удаётся в полной мере реализовать на национальном уровне, но в случае дела «Новрук и другие...» имплементация постановления ЕСПЧ оказалась успешной. Рассмотрим, как это происходило на примере иска в российский суд одного из участников дела «Новрук и другие против России», Романа Халупы.

Напомним, в отношении ВИЧ-положительного гражданина Молдовы Романа Халупы, чьи жена и дети являются гражданами России и проживают в России, Управления Федеральной миграционной службы России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области вынесло решение о нежелательности его пребывания (проживания) в РФ, и, следуя указанию миграционного органа, Халупа покинул страну. Первоначальные попытки обжаловать решение ФМС ни к чему не привели, но Халупа обратился в ЕСПЧ, и, после вынесения решения, вновь попытался оспорить действия ФМС России. Иск был подан против МВД России — правопреемника упразднённой ФМС. Басманный суд Москвы пришёл к выводу, что исковые требования Халупы подлежат удовлетворению,²⁰ поскольку решение ФМС России было вынесено уполномоченным органом без учёта основополагающих конституционных норм и норм международного права.

Басманный суд отметил, что «установление ограничений, связанных с пребыванием иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации и назначение конкретной санкции, ограничивающей конституционные права граждан, должно отвечать требованиям справедливости и соразмерности, а также конституционно закреплённым целям» и что в данном случае «ограничения прав в виде нежелательности пребывания (проживания) Халупы Р. на территории Российской Федерации не являются необходимыми, соразмерными преследуемой цели, поскольку в случае принятия такого решения лицо лишается возможности проживать с членами своей семьи, что ставит под угрозу ее целостность».

²⁰ Решение Басманного районного суда города Москвы от 13 марта 2017 года по административному иску Халупа Р. к Министерству внутренних дел Российской Федерации о признании незаконным решения Федеральной миграционной службы России об отказе в удовлетворении заявления о пересмотре решения о нежелательности пребывания (проживания) в Российской Федерации.

Важные моменты в решении Басманного суда Москвы по делу Халупы

- Басманный суд опирался не только на мнение Конституционного Суда РФ, но и на решение Европейского Суда по правам человека

Басманный суд солидаризировался с мнением ЕСПЧ о том, что миграционные ограничения, «должны быть оправданы крайней социальной необходимостью и соответствовать правомерной цели», «поскольку они могут нарушить право на уважение личной и семейной жизни, охраняемое в демократическом обществе ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод».

- ВИЧ-положительный статус не может сам по себе считаться основанием для миграционных ограничений

«...исходя из смысла приведенных выше норм права, позиций Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека, само по себе наличие у Халупы Р. ВИЧ-инфекции не может служить самостоятельным основанием для вынесения в отношении него решения о нежелательности пребывания (проживания) на территории Российской Федерации».

- Санкции, ограничивающие права человека в сфере личной и семейной жизни, должны применяться с учётом личных обстоятельств

«Поскольку принятое в отношении Халупы Р. решение о нежелательности пребывания (проживания) на территории Российской Федерации влечёт его обязанность в течение 1 месяца добровольно покинуть Российскую Федерацию, что представляет собой серьёзное вмешательство в сферу личной и семейной жизни, право на уважение которой гарантируется статьёй 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, такая мера может быть применена уполномоченным органом исполнительной власти и судом только с учётом личности лица, в отношении которого вынесено решение».

ЗАЩИТА ПРАВА НА ТРУД ВИЧ-ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО БОРТПРОВОДНИКА Р.²¹

Дело было инициировано бывшим бортпроводником «Аэрофлота» Р., уволенным в связи со своим ВИЧ-положительным статусом. По мнению авиакомпании, увольнение было законным: пункт 42.1 приложения №3 к Феде-

²¹ Решение Верховного Суда РФ от 13 марта 2017 г. N АКПИ17-31 О признании не действующим в части пункта 42.1 приложения N 3 к Федеральным авиационным правилам «Медицинское освидетельствование лётного, диспетчерского состава, бортпроводников, курсантов и кандидатов, поступающих в учебные заведения гражданской авиации», утверждённым приказом Министерства транспорта РФ от 22 апреля 2002 года № 50.

ральным авиационным правилам²² признавал негодными к лётной работе ВИЧ-положительных людей. Однако Верховный суд РФ встал на сторону истца и признал оспариваемую норму закона частично недействующей, так как она противоречила Федеральному закону «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)». По мнению Верховного суда, профессиональные ограничения должны налагаться только в том случае, если есть медицинское заключение о невозможности осуществлять профессиональную деятельность по состоянию здоровья.

Ключевым в позиции суда был тезис о том, что сам по себе ВИЧ-положительный статус не может считаться достаточным основанием для ограничения прав. Это положение роднит решение Верховного суда РФ с решениями ЕСПЧ по делам Кютютина, Новрука и других.

Важные положения в решении Верховного Суда РФ по делу Р.

- **Права ВИЧ-инфицированных граждан могут быть ограничены только федеральным законом, а этот закон запрещает ограничение прав ВИЧ-инфицированных в сфере труда**

«В соответствии с Федеральным законом «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» ВИЧ-инфицированные — граждане Российской Федерации обладают на её территории всеми правами и свободами и несут обязанности в соответствии с Конституцией Российской Федерации, законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации. Права и свободы граждан Российской Федерации могут быть ограничены в связи с наличием у них ВИЧ-инфекции только федеральным законом... Статьей 17 поименованного федерального закона установлен запрет на ограничение прав ВИЧ-инфицированных, согласно которому, в частности, не допускаются увольнение с работы, отказ в приёме на работу, отказ в приёме в организации, осуществляющие образовательную деятельность, и медицинские организации, а также ограничение иных прав и законных интересов ВИЧ-инфицированных на основании наличия у них ВИЧ-инфекции».

²² Федеральные авиационные правила «Медицинское освидетельствование лётного, диспетчерского состава, бортпроводников, курсантов и кандидатов, поступающих в учебные заведения гражданской авиации».

- **ВИЧ-положительный статус не является законным основанием для увольнения**

«...обнаружение у гражданина Российской Федерации ВИЧ-инфекции может явиться основанием для увольнения его с работы (отказа в приёме на работу), а также ограничения его иных прав и законных интересов лишь в случаях, когда это предусмотрено федеральным законом. В настоящее время в Российской Федерации отсутствует какой-либо федеральный закон, запрещающий гражданам осуществлять профессиональную деятельность в качестве бортпроводников в связи с выявлением у них ВИЧ-инфекции».

- **ВИЧ-положительный статус является категорией, на которую распространяются положения дискриминации**

«Пункт 2 статьи 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах обязывает государства гарантировать, что права, признаваемые в нем, осуществляются без какой-либо дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения или иных обстоятельств, к числу которых Комитет по экономическим, социальным и культурным правам — орган Организации Объединенных Наций, осуществляющий надзор за соблюдением указанного пакта, относит состояние здоровья, в частности ВИЧ-статус (Замечание общего порядка № 20 (2009))».

- **Ограничения, связанные с самим фактом присутствия ВИЧ-положительных людей в стране, недопустимы**

«Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в пункте 3 постановления от 12 марта 2015 года № 4-П, применительно к ВИЧ-инфекции в настоящий момент мировым сообществом признано, что наличие таковой у лица не должно рассматриваться как условие, создающее угрозу для здоровья населения, поскольку вирус иммунодефицита человека, хотя он и является инфекционным, передаётся не в результате присутствия инфицированного лица в стране или при случайном контакте через воздух или общие носители, такие как еда или вода, а через конкретные контакты, которые почти всегда являются частными...

...само по себе присутствие ВИЧ-инфицированного лица в стране не представляет угрозы для здоровья населения: ВИЧ не передаётся случайно, а только вследствие конкретного поведения, включая половые контакты и использование общих шприцев, являющихся основными способами передачи; использование ВИЧ-статуса в качестве основания для применения различного режима в области доступа к образованию, занятости, медицинского обслуживания, передвижений, социального обеспечения, жилья и убежища представляет собой нарушение принципа недискриминации...».

- **Наличие ВИЧ-инфекции само по себе не может являться безусловным основанием для ограничения прав**

«...вопрос о непригодности бортпроводников к осуществлению профессиональной деятельности при выявлении у них ВИЧ-инфекции должен решаться исходя из объективной оценки состояния их здоровья, данной по результатам соответствующего медицинского освидетельствования, при наличии медицинского заключения о невозможности осуществлять по состоянию здоровья эту профессиональную деятельность.

Наличие ВИЧ-инфекции само по себе не может являться безусловным основанием для признания бортпроводников негодными к профессиональной деятельности при отсутствии у них иных объективных противопоказаний, связанных с состоянием здоровья».

- **Представление об опасности работы ВИЧ-положительных людей с пищей основано на предрассудках**

«Ссылка Министерства транспорта Российской Федерации на пункт 2 статьи 23 Федерального закона от 2 января 2000 года № 29-ФЗ „О качестве и безопасности пищевых продуктов“, согласно которому больные инфекционными заболеваниями, лица с подозрением на такие заболевания, лица, контактировавшие с больными инфекционными заболеваниями, лица, являющиеся носителями возбудителей инфекционных заболеваний, которые могут представлять в связи с особенностями изготовления и оборота пищевых продуктов, материалов и изделий опасность распространения таких заболеваний, а также работники, не прошедшие гигиенического обучения, не допускаются к работам, при выполнении которых осуществляются непосредственные контакты работников с пищевыми продуктами, материалами и изделиями, по изложенным выше мотивам подлежит отклонению как основанная на ошибочном толковании норм права.

Доводы об участии бортпроводников в раздаче бортового питания не указывают на то, что такие работники осуществляют приведённую в названном федеральном законе деятельность, связанную с особенностями изготовления и оборота пищевых продуктов, материалов и изделий, которая может представлять опасность распространения заболевания.

По приведённым мотивам лишены правовых оснований и утверждения административного ответчика о том, что ограничения прав ВИЧ-инфицированных бортпроводников на допуск к работе необходимы в связи с их повышенным риском заражения инфекционными заболеваниями от больных пассажиров, а также ввиду их контактов с пассажирами при обслуживании, аварийно-спасательных работах, оказании первой помощи при заболеваниях, травмах».

Дискриминация людей с инвалидностью

Понятие **дискриминация по признаку инвалидности** до сих пор часто понимается неполно: обществу и государству трудно осознать, что дискриминацию влекут не только прямые запреты и ограничения, но и отказ в разумном приспособлении, из-за которого инвалиды не могут пользоваться всеми благами и правами наравне с другими людьми. Но даже в прямых запретах общество не всегда готово видеть дискриминацию: в нашей культуре еще не устоялось представление о том, что особый статус, возникающий в связи с инвалидностью, должен подразумевать не дополнительные ограничения, а дополнительные права. Как и дискриминация женщин, дискриминация людей с инвалидностью базируется на представлении о таких людях как о слабых, требующих защиты и особого подхода. В результате чрезмерная государственная «защита» иногда приводит к серьезным ограничениям прав человека.

Кроме того, статус человека с инвалидностью продолжает оставаться стигматизированным — хоть и не в том демонизирующем смысле, что статус ВИЧ-положительного человека или гомосексуала. Внутри группы людей с инвалидностью дополнительно выделяется особо уязвимая подгруппа — люди с психическими расстройствами. Однако именно в области защиты прав людей с ментальными особенностями удалось добиться особенно значимых результатов. Знаковые в этой сфере — дела Павла Штукатурова, Ирины Деловой и Виталия Кочерова.

ДЕЛО «ШТУКАТУРОВ ПРОТИВ РОССИИ» (ЕСПЧ, 2008)

Дело «Штукатуров против России» было инициировано человеком с ментальной инвалидностью, мать которого заочно лишила его дееспособности, чтобы вступить в права собственности на его недвижимость. По действовавшему на тот момент законодательству, недееспособный гражданин мог действовать в суде только через опекуна, а значит, не мог восстановить свою дееспособность. Так Штукатуров стал заложником собственной матери и жертвой правовой системы, призванной его защитить.

Европейский суд по правам человека поддержал жалобу Штукатурова, признав, что в деле были нарушены сразу несколько статей Конвенции о защите прав человека и основных свобод: право на справедливое судебное разбирательство (статья 6), право на уважение частной и семейной жизни (статья 8), право на свободу и личную неприкосновенность (статья 5), право на подачу частной жалобы (статья 34).

Подробности дела Штукатурова

Павел Штукатуров страдает психическим расстройством с 2002 года. Несколько раз он был госпитализирован, в 2003 году получил инвалидность. Проживал с матерью, не работал и получал пенсию по инвалидности. В 2003 году, после смерти бабушки, унаследовал ее квартиру и загородный дом с земельным участком. Летом 2004 года, пока Штукатуров находился в больнице, его мать обратилась в Василеостровский районный суд Санкт-Петербурга с заявлением о признании сына недееспособным. Суд назначил экспертизу, которая установила, что Штукатуров страдал «простой шизофренией с выраженным эмоционально-волевым расстройством» и не мог понимать значение своих действий и руководить ими. Штукатуров не был уведомлен о судебном разбирательстве, не присутствовал ни на одном из заседаний. Последнее заседание, на котором суд признал заявителя недееспособным, продолжалось 10 минут. По решению суда, мать была назначена опекуном Штукатурова, уполномоченным выступать от его имени по любым вопросам. Решение суда не было обжаловано в течение установленного законом срока и в январе 2005 года вступило в силу. Сам Штукатуров узнал о решении районного суда случайно, когда нашел копию решения среди документов матери.

В ноябре 2005 года Штукатуров вместе с адвокатом Бартеневым, составил заявление о восстановлении срока обжалования судебного решения. Через два дня после этого заявитель, по требованию матери, был помещен в больницу. По российскому законодательству, помещение недееспособного гражданина в больницу по требованию опекуна признавалось добровольным, однако Штукатуров утверждал, что был помещен в больницу вопреки своей воле. Адвокат Бартенев неоднократно пытался посетить Штукатурова, но врачи не давали ему это сделать. Тогда Бартенев обратился с жалобой в Европейский суд по правам человека.

С декабря 2005 года Штукатурову были запрещены любые контакты с внешним миром; несмотря на спокойное поведение, к нему применялись сильные лекарства: галоперидол и хлорпромазин. Штукатуров даже пытался убежать из больницы, но сотрудники задержали его и привязали к койке.

В течение декабря 2005 года Штукатуров и его адвокат обращались в прокуратуру и опекунский совет с жалобами на действия врачей и опекуна. Штукатуров, в частности, указывал, что реальной причиной помещения его в больницу было намерение матери присвоить его квартиру. Все эти жалобы были отклонены.

В марте 2006 года председатель Палаты ЕСПЧ обязал Россию не препятствовать в проведении встреч адвоката с доверителем, однако и это не возымело действия: мать Штукатурова возражала против его общения с адвокатом, а главврач больницы заявил, что не считает решение ЕСПЧ обязательным. Адвокат оспорил отказ главврача в районном суде, однако впоследствии Санкт-

Петербургский городской суд отменил это решение, указав, что адвокат не мог действовать от имени недееспособного доверителя в отсутствие договора с его опекуном. Одновременно с этим Василеостровский районный суд, получив письмо от уполномоченного Российской Федерации при ЕСПЧ, установил, что Бартенев должен быть допущен к заявителю. Санкт-Петербургский городской суд, однако, отменил и это решение. Жалобы адвоката на эти решения не были удовлетворены, так как, по мнению суда, Штукатуров мог обращаться с жалобами или иными заявлениями только через своего опекуна.

В июле 2006 года Санкт-Петербургский городской суд оставил без изменения определение Василеостровского районного суда от 22 декабря 2005 года о признании Штукатурова недееспособным. Городской суд указал, что Гражданский процессуальный кодекс не разрешает подачу заявлений о восстановлении процессуальных сроков недееспособными лицами. В последующие месяцы адвокат Бартенев безуспешно подал две надзорные жалобы. В 2007 году заявитель вновь был помещен в больницу по требованию матери. А марте 2008 года Европейский Суд по правам человека вынес постановление в его пользу.

Значимость решения ЕСПЧ по делу Штукатурова в том, что в нем впервые столь подробно был исследован вопрос, **в какой мере и при каких условиях** может быть ограничена дееспособность лица, и в том, что, имплементированное на национальном уровне, оно разделило всю судебную практику по вопросам лишения дееспособности на **до и после дела Штукатурова: процесс лишения дееспособности перестал быть формальным механизмом, фактически наказывающим человека за его ментальные особенности, и впервые развернулся в сторону справедливости и гуманизма.**

Решение ЕСПЧ во многом опиралось на рекомендации Комитета министров Совета Европы, в которых сформулированы принципы правовой защиты недееспособных взрослых (1999). К этим принципам, в частности, относятся: **гибкость правовых последствий** («...правовые средства, предусмотренные для защиты личных и имущественных интересов недееспособных взрослых, должны обладать сферой применения или гибкостью, позволяющими обеспечить соответствующие правовые последствия для различных степеней психического расстройства и различных ситуаций»), **максимальное сохранение дееспособности** («законодательство должно, насколько возможно, признавать наличие различных степеней недееспособности, а также возможность изменения степени недееспособности время от времени. Соответственно, мера защиты не должна автоматически приводить к полной утрате дееспособности. При этом ограничение дееспособности должно применяться, если доказано, что оно необходимо для защиты указанного лица»), **соразмерность** («Мера защиты должна затрагивать дееспособность, права и свободы указанного лица в минимальной степени, совместимой с достижением цели вмешательства»), **право быть заслушанным лично** («Лицо имеет право быть заслушанным лично в любом разбирательстве, которое может повлиять на его или ее дееспособность»), **право на обжалование** («Наличие адекватных прав обжалования обязательно»).

Важные моменты в решении ЕСПЧ по делу Штукатурова

- При рассмотрении дел, касающихся принудительного содержания в стационаре, ограничиваемые в свободе люди должны быть заслушаны лично

«В ряде ранее рассмотренных дел, касающихся принудительного содержания в стационаре, Европейский Суд установил, что душевнобольной должен быть заслушан лично или, если это необходимо, через представителя... Далее, Европейский Суд отмечает, что у заявителя была двойная роль в разбирательстве: он был заинтересованным лицом и в то же время основным объектом исследования суда. Таким образом, участие заявителя было необходимо как для того, чтобы обеспечить ему возможность представить свои доводы, так и для того, чтобы суд мог сформировать собственное мнение о его психическом состоянии. <...> ...решение судьи рассмотреть дело на основе письменных доказательств, не видя и не заслушивая заявителя, было необоснованным и нарушало принцип состязательности судопроизводства...».

- Национальные процедуры принятия решений по вопросам дееспособности должны быть законными и прозрачными

«...по общему правилу, в таком сложном вопросе, как определение психического состояния лица, власти должны пользоваться широкой свободой усмотрения. Это главным образом объясняется тем, что власти страны имеют преимущество непосредственного контакта с указанными лицами и, таким образом, располагают максимальными возможностями для решения таких вопросов. Задачей Европейского Суда является проверка с точки зрения Конвенции решений, принятых властями страны при осуществлении ими соответствующих полномочий... В то же время свобода усмотрения, признаваемая за властями страны, варьируется в зависимости от характера спорных вопросов и значимости затронутых интересов... Более строгий контроль необходим в случае серьезных ограничений в сфере личной жизни. Далее Европейский Суд напоминает, что хотя статья 8 Конвенции не содержит прямо выраженных процессуальных требований, „процедура принятия решений, применяемая при осуществлении вмешательства, должна быть справедливой, позволяя обеспечить надлежащее уважение интересов, гарантированных статьей 8 Конвенции“... Таким образом, границы свободы усмотрения государства зависят от качества процедуры принятия решений. Если процедура страдала серьезными недостатками в каком-либо отношении, выводы властей страны в большей степени открыты для критики...».

- Суды должны учитывать не сам факт психического расстройства, а его степень

«Европейский Суд не подвергает сомнению компетентность врачей, которые обследовали заявителя и признали его тяжелобольным. Однако, по мнению Европейского Суда, наличие психического расстройства, даже серьезного, не может выступать единственной причиной лишения дееспособности. По аналогии с делами, касающимися лишения свободы, лишение дееспособности будет оправданным при наличии психического расстройства „характера или степени“, делающих такую меру необходимой...».

- **Понятие «законность» не должно трактоваться формально, особенно если речь идет о таких мерах, как ограничение свободы**

«Европейский Суд признает, что содержание заявителя под стражей было „законным“, если узко толковать этот термин как формальное соответствие содержания под стражей процессуальным и материальным нормам российского права. <...> Однако Европейский Суд напоминает, что понятие „законности“ в контексте подпункта „е“ пункта 1 статьи 5 Конвенции также имеет более широкое значение. „Выражение [‘порядок, установленный законом’] основано на идее справедливого и надлежащего порядка, подразумевающего, что любая мера лишения лица свободы должна приниматься и исполняться надлежащим органом и не должна быть произвольной” ... Иными словами, заключение не может считаться „законным“ в значении пункта 1 статьи 5 Конвенции, если внутригосударственная процедура не обеспечивает достаточных гарантий против произвола».

- **Недееспособность сама по себе не является достаточным условием для ограничения свободы**

«...Европейский Суд установил три минимальных условия, которые должны быть соблюдены при „законном заключении под стражу душевнобольного“ в значении подпункта „е“ пункта 1 статьи 5 Конвенции: кроме чрезвычайных случаев, должно быть достоверно доказано, что указанное лицо является душевнобольным, то есть компетентным органом должно быть установлено действительное психическое расстройство на основе объективной медицинской экспертизы; характер или степень психического расстройства должны требовать принудительного заключения; правомерность продолжающегося заключения зависит от стойкости такого расстройства».

- **Содержащиеся в психиатрическом учреждении люди должны иметь возможность оспаривать правомерность лишения свободы**

«Европейский Суд напоминает, что в силу пункта 4 статьи 5 Конвенции душевнобольной, проходящий принудительное лечение в психиатрическом учреждении в течение неопределенного или длительного срока, в принципе имеет право (во всяком случае, если отсутствует автоматическая периодическая судебная проверка) на рассмотрение судом через разумные промежутки времени „правомерности“ — в значении Конвенции — заключения под стражу...

Это справедливо по отношению к делам, в которых заключение было первоначально санкционировано судебным органом... и тем более справедливо в обстоятельствах настоящего дела, когда заключение заявителя было санкционировано не судом, а частным лицом, а именно опекуном заявителя».

- **Ограничения, препятствующие подаче индивидуальной жалобы, противоречат Конвенции ЕКПЧ**

«Европейский Суд напоминает, что для эффективного функционирования системы подачи индивидуальных жалоб, установленной статьей 34 Конвенции, крайне важно, чтобы заявители или потенциальные заявители могли свободно общаться с конвенционными органами, не подвергаясь какому-либо давлению со стороны властей с целью отозвать или изменить свою жалобу...

В настоящем деле запрет на общение с адвокатом продолжался с момента госпитализации заявителя 4 ноября 2005 г. до его выписки 16 мая 2006 г. Далее, телефонные переговоры и переписка были запрещены в течение почти всего указанного периода. Эти ограничения сделали почти невозможным для заявителя поддерживать свою жалобу в Европейском Суде, в связи с чем бланк жалобы был заполнен заявителем лишь после выписки из больницы. Власти не могли не знать о том, что заявитель обратился в Европейский Суд с жалобой, касающейся, в том числе, его содержания в больнице. При подобных обстоятельствах власти нарушили права заявителя, гарантированные статьей 34 Конвенции, ограничивая его контакты с окружающим миром в таком объеме».

Постановление Конституционного суда РФ по жалобе Штукатурова

Заручившись поддержкой на международном уровне, Штукатуров и Бартенев обратились в Конституционный суд РФ с жалобами на положения Гражданско-процессуального кодекса и Закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» о возможности рассмотрения дела в отсутствие лица, дееспособность которого оспаривается, о невозможности лица, признанного недееспособным, обжаловать решение суда в кассационном порядке и в порядке надзора и о возможности госпитализации недееспособного лица в недобровольном порядке при наличии согласия его опекуна без судебного решения. Конституционный суд объединил эту жалобу с жалобами Ю.К. Гудковой и М.А. Яшиной и 27 февраля 2009 года признал оспариваемые положения неконституционными.

В своем решении Конституционный суд РФ согласился с позицией ЕСПЧ и впервые сформулировал, что любой человек, в том числе человек с серьезными психическими заболеваниями, имеет право на самостоятельное волеизъявление, которое должно иметь юридические последствия. В результате этого процесса появились права на оспаривание судебных решений и на восстановление дееспособности, и люди, лишенные дееспособности, стали полноценными участниками судебного процесса.

В постановлении Конституционный суд РФ опирался не только на конституционные нормы, но и на многочисленные положения международного права и решения международных инстанций, запрещающие дискриминацию лиц с ментальными особенностями, в частности:

- на принципы Генассамблеи ООН в сфере защиты психически больных лиц, которые прямо указывают на недопустимость какой-либо дискриминации, «т.е. установления в связи с психическим заболеванием лица таких отличий, исключений или предпочтений, следствием которых являются отмена или затруднение равного пользования всеми международно признанными гражданскими, политическими, экономическими, социальными и культурными правами, и предусматривают право лица, дееспособность которого является предметом судебного разбирательства, быть представленным адвокатом, а также право наравне со своим личным представителем, если таковой имеется, и любым другим заинтересованным лицом обжаловать любое решение о недееспособности в вышестоящем суде»;
- на рекомендации ПАСЕ и Комитета Министров Совета Европы, в которых среди прочего указывается, что лица с психическими расстройствами должны иметь возможность осуществлять все гражданские и политические права, ограничения этих прав не могут основываться на одном лишь факте наличия у лица психического заболевания, а судебное решение о признании лица недееспособным не может приниматься на основании одного лишь медицинского заключения — лицу должно быть обеспечено право быть заслушанным в суде и в течение всего разбирательства в суде должен присутствовать адвокат;
- на положения статей 5 и 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в их истолковании Европейским Судом по правам человека: «право каждого на свободу и личную неприкосновенность предполагает, что душевнобольные лица не могут быть лишены свободы и заключены под стражу иначе как в порядке, установленном законом; таким лицам должно быть гарантировано право на справедливое судебное разбирательство, предполагающее в том числе право на разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, а также право защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника».

Важные моменты в решении Конституционного суда РФ по делу Шукатурова

- Недопустимо ограничивать права человека с ментальным расстройством без учета степени этого расстройства

«...отсутствие в процессуальном законодательстве основанного на обязательном учете реальной способности лица осуществлять процессуальные действия дифференцированного регулирования прав тех, у кого такая способность, несмотря на заболевание, сохранена, и тех, кто действительно по своему психическому состоянию не может самостоятельно защищать свои права, не соответствует международным обязательствам Российской Федерации и законодательству Российской Федерации о психиатрической помощи и не обеспечивает защиту прав личности от необоснованных ограничений. Лишение лица, в отношении которого подлежат применению или применены принудительные меры медицинского характера, возможности самостоятельно реализовывать свои процессуальные права, даже если психическое заболевание этому не препятствует, означает не согласующееся с конституционно значимыми целями... ограничение прав...».

- Лица, дееспособность которых оспаривается в суде, требуют особой правовой защиты

«...из предписаний Конституции Российской Федерации в их взаимосвязи с положениями Конвенции о защите прав человека и основных свобод... а также с принципами и требованиями международно-правовых актов вытекает необходимость установления особого уровня гарантий защиты прав лиц, которые страдают психическими расстройствами и в отношении которых возбуждается производство по признанию их в установленном порядке недееспособными, с тем чтобы... исключить какую-либо дискриминацию лица по признаку наличия психического расстройства... а также связанные с этим ограничения прав, кроме тех, которые допускаются в общепризнанных для таких случаев целях».

- Лицо, дееспособность которого оспаривается в суде, имеет право быть полноценным участником процесса

«...сам факт обращения с заявлением о признании гражданина недееспособным не предreshает решение суда и, следовательно, не может являться основанием для лишения этого гражданина гражданской процессуальной дееспособности, т.е. возможности своими действиями в полном объеме осуществлять принадлежащие ему процессуальные права, выполнять процессуальные обязанности и поручать ведение дела в суде представителю. <...>

Участие самого гражданина в судебном заседании... необходимо не только для того, чтобы дать возможность ему как заинтересованному лицу

представлять свою позицию по делу, но и для того, чтобы позволить судье составить собственное мнение о психическом состоянии гражданина и непосредственно убедиться в том, что гражданин не может понимать значение своих действий и руководить ими. <...>

Рассмотрение дела в отсутствие самого гражданина (вопреки его желанию) допустимо лишь при наличии особых обстоятельств, например в случаях, когда существуют достаточные основания предполагать, что лицо представляет реальную опасность для окружающих либо состояние здоровья не позволяет ему предстать перед судом. Однако и в этих случаях, поскольку речь идет о существенном изменении правового положения гражданина, предпочтительно личное ознакомление суда с его состоянием, для того чтобы выяснить реальную способность гражданина присутствовать в судебном заседании и предупредить случаи необоснованного лишения его статуса дееспособного лица.

Непредоставление гражданину возможности лично или через выбранного им самим представителя участвовать в судебном заседании, в котором рассматривается заявление о признании его недееспособным, в том числе в результате неизвещения гражданина о времени и месте судебного заседания, является недопустимым ограничением не только права на получение квалифицированной юридической помощи, но и права на полную и эффективную судебную защиту, осуществляемую на основе равенства перед законом и судом, справедливого судебного разбирательства, состязательности и равноправия сторон...».

- **Лицо, лишенное дееспособности, должно иметь возможность оспорить соответствующее решение суда**

«...с учетом последствий признания гражданина недееспособным, который в таком случае, по сути, лишается данного конституционного права, — ему должна быть гарантирована полная и эффективная судебная защита. В связи с этим лицу, в отношении которого возбуждается указанная процедура и принимается судебное решение о признании недееспособным, должны быть обеспечены как квалифицированная юридическая помощь, оказываемая ему выбранными им самим представителями... так и... возможность обращения ко всем имеющимся внутригосударственным средствам правовой защиты от нарушения прав необоснованным признанием недееспособным, включая обжалование решения во всех предусмотренных законом инстанциях в системе судов общей юрисдикции, в том числе осуществляющих проверку судебных постановлений, вступивших в законную силу.

<...> Как лицу, участвующему в деле, это право должно быть обеспечено ему до исчерпания всех предусмотренных законом процедур обжалования судебных постановлений, в том числе в надзорном порядке, тем более в случаях, когда суд первой инстанции рассмотрел дело и признал гражд-

данина недееспособным в отсутствие самого гражданина или его представителей. Невозможность же обжалования ошибочного судебного решения является нарушением права на судебную защиту, по существу противоречащим запрету на его ограничение...».

- **Принудительная госпитализация вне судебного контроля недопустима**

«В ситуациях, связанных с ограничением права на свободу и личную неприкосновенность, особое значение приобретают гарантии судебной защиты, что признается и международно-правовыми актами, согласно которым каждому арестованному или задержанному по уголовному обвинению лицу должно быть обеспечено право на судебное разбирательство в течение разумного срока или право на освобождение... таким образом, ограничение свободы и личной неприкосновенности в течение значительного времени вне судебного контроля не допускается.

<...> Недобровольная госпитализация в психиатрический стационар лица, страдающего психическим расстройством, в том числе лица, признанного в установленном порядке недееспособным, безусловно, является ограничением свободы, которое в силу приведенных конституционных и международно-правовых норм и основанных на них правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации допускается только по судебному решению».

ДЕЛО ИРИНЫ ДЕЛОВОЙ В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РФ (2012)²³

Дело было инициировано Ириной Деловой, которая из-за легкой умственной отсталости была полностью лишена дееспособности, — на тот момент Гражданский кодекс РФ не предполагал такой меры, как ограниченная дееспособность. Делова утверждала, что ее право на неприкосновенность частной жизни и право частной собственности нарушаются положениями Гражданского кодекса, поскольку он не предполагает возможность ограничения дееспособности гражданина соразмерно степени нарушения способности понимать значение своих действий или руководить ими и тем самым лишают такого гражданина права самостоятельно совершать юридически значимые действия, пусть даже не самые серьезные, — например, распоряжаться пенсией для удовлетворения бытовых нужд.

²³ Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 27 июня 2012 г. N 15-П город Санкт-Петербург «по делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.Б. Деловой»

Рассмотрев жалобу Ирины Деловой, Конституционный суд РФ пришел к выводу, что отсутствие дифференциации гражданско-правовых последствий наличия у гражданина нарушения психических функций при решении вопроса о признании его недееспособным, соразмерных степени фактического снижения способности понимать значение своих действий или руководить ими в тех или иных сферах социальной жизни, приводит к умалению и несоразмерному конституционно значимым целям ограничению прав и свобод граждан. Так в Гражданском кодексе появилась категория ограниченной дееспособности.

Важные моменты в решении КС РФ по делу Деловой

- **Умаление прав и свобод лиц, страдающих психическими расстройствами, недопустимо**

«...Неотчуждаемость основных прав и свобод человека, их принадлежность каждому от рождения... предполагают... недопустимость какого бы то ни было их умаления, в том числе в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами... <...> ...возложенная на Российскую Федерацию конституционная обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина и обеспечивать их адекватные гарантии, равно как и принятые ею на себя международные обязательства в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами, требуют принятия комплекса мер, направленных на наиболее эффективную защиту прав и законных интересов таких лиц, которые позволяли бы учитывать в каждом конкретном случае их индивидуальные особенности».

- **Люди с психическими нарушениями должны иметь возможность совершать юридически значимые действия**

«...признание гражданина недееспособным вследствие психического расстройства означает существенное изменение его правового статуса: с момента вынесения судебного решения он на формально не определенный период считается утратившим возможность совершать гражданско-правовые сделки, а также исполнять обязанности и нести ответственность за свои действия. Между тем обусловленная тем или иным психическим нарушением неспособность при осуществлении определенных прав и обязанностей в полной мере понимать значение своих действий или руководить ими далеко не всегда означает, что гражданин не в состоянии принимать осознанные самостоятельные решения во всех сферах социальной жизни и совершать юридически значимые действия, в частности мелкие бытовые сделки... направленные на удовлетворение собственных разумных потребностей и не нарушающие права и законные интересы других лиц. <...> Отсутствие у данной категории граждан такой возмож-

ности ставит их в худшее положение даже по сравнению с малолетними в возрасте от шести до четырнадцати лет, которые наделены правом самостоятельно совершать мелкие бытовые и иные сделки, указанные в пункте 2 статьи 28 ГК Российской Федерации».

- **Лишение дееспособности без учета особенностей личности не соответствует современным стандартам прав человека**

«Ограничение прав этих лиц, несоразмерное степени нарушения их психических функций, включая право лично, помимо опекуна, обращаться в органы публичной власти за защитой своих интересов, делает их социально уязвимыми и в значительной степени зависимыми от других лиц, в том числе если они проживают в психоневрологических интернатах и, следовательно, находятся вне системы семейных (родственных) отношений. Избранная федеральным законодателем в качестве меры защиты прав и законных интересов лиц, страдающих психическими расстройствами, модель правового регулирования признания гражданина недееспособным и установления над ним опеки, не предполагающая учета индивидуальных особенностей конкретной личности и ее потребности в защите, не может рассматриваться и как соответствующая современным стандартам прав человека. Европейский Суд по правам человека обращал внимание Российской Федерации на то, что в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами, российское законодательство различает дееспособность и недееспособность без учета «пограничных» ситуаций и в отличие от общеевропейских стандартов в данной области не предусматривает «дифференцированных последствий», что приводит к нарушению статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод...».

- **Признание гражданина недееспособным должно рассматриваться как крайняя мера**

«Признание гражданина недееспособным... должно иметь место лишь в тех случаях, когда иные меры защиты его прав и законных интересов оказываются недостаточными. <...> [Федеральный законодатель] обязан выработать оптимальный механизм, предполагающий необходимость учета степени нарушения их способности понимать значение своих действий или руководить ими в конкретных сферах жизнедеятельности и вместе с тем не допускающий умаления достоинства их личности и несоразмерного вторжения в частную жизнь».

ДЕЛО «КОЧЕРОВ И СЕРГЕЕВА ПРОТИВ РОССИИ» (ЕСПЧ, 2016)

Дело было инициировано жалобой, поданной Виталием Кочеровым и его дочерью — Анной Сергеевой, которые были разлучены из-за умственной отсталости Кочерова и недееспособности его жены, матери Анны. Разрешая вопрос о том, могут ли власти ограничивать людей с ментальной инвалидностью в воспитании собственных детей, Европейский Суд по правам человека решил, что это возможно только при наличии ряда причин, — сами по себе ментальные особенности не являются достаточным основанием для ограничения родительских прав. В данном же деле доводы, приведенные судами Российской Федерации, были, по мнению ЕСПЧ, недостаточны для оправдания этого вмешательства.

Подробности дела Кочерова и Сергеевой

В 2007 году пациент психоневрологического интерната Виталий Кочеров женился на своей соседке по интернату Н.С., которая была признана недееспособной по причине умственной отсталости. Вскоре у них родилась дочь Анна. В свидетельстве о рождении Анны отец был не указан, а так как ее мать была недееспособной, девочка оказалась в доме ребенка. Брак между Кочеровым и Н.С. был признан недействительным в связи с недееспособностью Н.С. Впоследствии Кочеров был выписан из интерната и добился того, чтобы его указали отцом Анны в документах, но сразу забрать девочку из дома ребенка не смог, так как не имел своего жилья.

Пока Анна находилась в доме ребенка, Кочеров навещал ее и временно хлопотал о получении социального жилья. В ноябре 2011 года ему предоставили квартиру, но представители дома ребенка не захотели отдавать дочь Кочерову и обратились в районный суд: по их мнению, было нежелательно передавать девочку под опеку родителей, поскольку ее мать признана недееспособной и потому представляла угрозу для жизни и здоровья девочки, а отец не мог полностью осуществлять родительские обязанности по причине умственной отсталости. При этом медицинская экспертиза, которая проводилась при выписке Кочерова из интерната, установила, что Кочеров был общительным и хозяйственным человеком, который любил свою дочь и заботился о ней, а также что во время проживания в интернате Кочеров работал и откладывал деньги, чтобы содержать дочь. В заключении отдельно подчеркивалось, что состояние здоровья Кочерова позволяет ему осуществлять свои родительские права в полном объеме.

Районный суд, однако, счел, что намерение Кочерова воспитывать свою дочь самостоятельно было преждевременным и что «для ребенка было бы стрессом поместить ее в семью родителей, с которыми она никогда не жила и не

имела возможности к ним привыкнуть». Районный суд, помимо прочего, сослался на умственную отсталость заявителя и отметил, что «в настоящее время отсутствовали достоверные данные, свидетельствующие о том, что для девочки было безопасно жить с ним».

Попытка обжаловать решение районного суда в городской инстанции не увенчалась успехом: суд решил, что заявитель «не представил убедительных доказательств, доказывающих отсутствие реальной угрозы для жизни, здоровья и надлежащего воспитания заявительницы» в случае ее передачи под опеку отца. Суд, однако, отметил, что заявитель не был лишен права требовать отмены ограничения его родительских прав в будущем в случае изменения соответствующих обстоятельств. После этого жалоба Кочерова и Сергеевой была направлена в Европейский суд по правам человека. Заявители, в частности, утверждали, что их право на уважение семейной жизни было нарушено в части ограничения родительских прав заявителя в отношении заявительницы и что ограничение было дискриминационным, поскольку было применено по причине умственной отсталости заявителя. Они ссылались на статьи 8 и 14 Конвенции.

События в России в это время продолжали развиваться: решением от 20 сентября 2012 года в суде была восстановлена дееспособность Н.С., и 15 ноября 2012 года Кочеров и Н. С. вновь поженились. Кочеров снова обратился в суд, и, приняв во внимание изменившиеся обстоятельства, стабильный доход Кочерова и его тесную эмоциональную связь с дочерью, суд удовлетворил требование заявителя и распорядился об отмене ограничения его родительских прав и передаче Сергеевой под его опеку. 20 мая 2013 года Кочеров забрал дочь из дома ребенка в свою квартиру, где она с тех пор проживает.

Рассматривая жалобу Кочерова, Европейский суд по правам человека пришел к выводу, что имело место нарушение статьи 8 Конвенции — право на уважение семейной жизни.

Важные моменты в решении ЕСПЧ по делу Кочерова-Сергеевой

- **Государство должно способствовать воссоединению родителей с детьми**
«Пределы усмотрения, признаваемые за компетентными властями страны, изменяются в зависимости от характера спорных вопросов и значимости затронутых интересов. <...> Однако требуется более строгий контроль в отношении любых дополнительных ограничений, таких как ограничения, вводимые этими органами для родительских прав на контакты с детьми, и в отношении любых правовых гарантий, направленных на обеспечение эффективной защиты права родителей и детей на уважение их семейной жизни. <...>

Европейский Суд напоминает... что, если установлено существование семейной связи с ребенком, государство должно содействовать развитию этой связи.... Таким образом, статья 8 Конвенции возлагает на каждое государство обязательство воссоединить биологического родителя с его ребенком... и все меры осуществления временной публичной опеки должны согласоваться с конечной целью...».

- **Умственная отсталость сама по себе не может считаться достаточным основанием для ограничения родительских прав**

«Европейский Суд далее обращается к выводу судов Российской Федерации о том, что „отсутствовали достоверные данные о том, что проживание девочки с [заявителем] было бы безопасным для нее с учетом его диагноза“.

Европейский Суд отмечает в этой связи, что заявитель представил в суды страны заключение... о результатах психиатрической экспертизы группы экспертов, которые подробно описали его психическое состояние, его способность заботиться о себе и воспитывать ребенка и так далее... В заключении недвусмысленно указывалось, что состояние здоровья заявителя позволяло ему осуществлять свои родительские права в полном объеме. Подлинность или точность заключения или содержащихся в нем экспертных выводов никогда не ставились под сомнение противной стороной или судами. Последние фактически оставили без внимания это доказательство и не указали в соответствующих решениях, считают ли они их достоверными или нет. Противная сторона не предоставила данных, оспаривающих выводы заключения или доказывающих, что диагноз заявителя подвергал заявительницу угрозе в случае ее передачи под его опеку.

При таких обстоятельствах Европейский Суд не усматривает основы для вышеупомянутого вывода внутригосударственных судов и особенно, какие доказательства, по мнению судов, заявитель должен был представить для подтверждения того, что его психическое состояние не представляло угрозы для безопасности заявительницы.

Исходя из изложенного Европейский Суд находит, что ссылка судов Российской Федерации на диагноз заявителя не являлась „достаточным“ основанием для оправдания ограничения его родительских прав».

- **Недееспособность сама по себе не может считаться достаточным основанием для ограничения родительских прав**

«Внутригосударственные суды также ссылались на те факты, что мать заявительницы была лишена дееспособности ввиду ее психического заболевания и что она имела бы свободный доступ к заявительнице в случае передачи под опеку заявителя, что, по их мнению создало бы угрозу для заявительницы.

Однако Европейский Суд отмечает, что внутригосударственные суды основали свои опасения по поводу заявительницы исключительно на ссылках на тот факт, что Н.С. была недееспособной. Европейский Суд не убежден в том, что утрата лицом дееспособности сама по себе делает его опасным для других. По его мнению, суды страны должны убедительно доказать, что поведение Н.С. ставило или могло поставить заявительницу под угрозу в той степени, которая делала ее передачу под опеку отца невозможной. В то же время российские суды не использовали медицинские документы или иные письменные или устные показания, чтобы доказать, что от Н.С. исходила такая опасность.

При таких обстоятельствах Европейский Суд не убежден, что ссылка внутригосударственных судов на правовой статус Н.С. являлась достаточным основанием для ограничения родительских прав заявителя».

Вопрос о дискриминации в деле Кочерова-Сергеевой: особое мнение судьи Хелен Келлер

Европейский суд посчитал, что в деле «Кочеров и Сергеева против России» отсутствует необходимость определять, подвергали ли решения внутригосударственных судов заявителя дискриминации, однако на эту тему очень подробно высказалась судья Хеллен Келлер в своем особом мнении:

«По моему мнению и вопреки мнению большинства судей, заявитель выдвинул доказуемое утверждение о том, что ограничение его родительских прав в отношении заявительницы было введено и оставлено в силе по причине наличия у него умственной отсталости, что, таким образом, выглядит как фундаментальный аспект дела. Причины этого различны, но они в основном касаются стереотипного взгляда на заявителя как на родителя-инвалида с психическим расстройством, выраженного внутригосударственными инстанциями. Национальная ссылка на умственную отсталость заявителя, оправдывающую ограничение его родительских прав, является решающим фактором в настоящем деле и представляет систематическую тему в мотивировке государственных органов.

<...> В целом внутригосударственная аргументация показывает, что власти основали свои заключения на обобщенных представлениях о родителях-инвалидах, а не на фактической способности заявителя ухаживать за своим ребенком или не на конкретных фактах дела. Мотивировка национальных органов, таким образом, ясно указывает на присутствие стереотипного представления о родительской несостоятельности психически больных инвалидов, а также на тенденцию игнорировать данные в пользу заявителя.

Довод о том, что заявитель подвергся явной дискриминации вследствие его умственной отсталости, дополнительно обоснован двумя пунктами. Во-первых, Семейный кодекс Российской Федерации не предусматривает, что длительное

нахождение в специализированном учреждении для психически больных инвалидов образует основание для ограничения родительских прав. Во-вторых, российское законодательство обычно не требует от биологических родителей представлять доказательства их способности воспитывать детей или навыков вести хозяйство...

<...> По моему мнению, очевидно, что стереотипная линия мотивировки, применяемая внутригосударственными органами, основана на предположении о том, что инвалид по определению мало или вовсе не способен надлежащим образом заботиться о ребенке. Такой эссенциалистский взгляд на родительскую непригодность лиц с инвалидностью упрощает и гомогенизирует опыт и способности членов этой группы. Неадекватность подобного стереотипного подхода особенно остра с учетом уязвимости лиц с психической инвалидностью как группы, которая столкнулась со значительной дискриминацией в прошлом...

Кроме того, мое несогласие относится к непропорциональности ограничительных мер, примененных внутригосударственными органами в настоящем деле. <...> Что касается родительских прав, государства — участники Конвенции о правах инвалидов указали в ее статье 23... что они оказывают инвалидам надлежащую помощь в выполнении ими своих обязанностей по воспитанию детей. Кроме того, пункт 4 статьи 23 прямо подтверждает, что ни при каких обстоятельствах ребенок не может быть разлучен с родителями по причине инвалидности либо самого ребенка, либо одного или обоих родителей. <...> Однако внутригосударственные органы не пытались применить менее строгие меры относительно ограничения родительских прав заявителя в их мотивировке и, по-видимому, не пытались оказать ему „надлежащую помощь“, требуемую CRPD.

<...> ...неравенство данного обращения составляет основной аспект дела и требует рассмотрения Европейским Судом в соответствии со статьей 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 8 Конвенции».

ADC Memorial Brussels
Rue d'Edimbourg 26
1050 Ixelles, Belgium
adcmemorial.org